

ТЕРРОРИЗМ: КОНЕЦ СЕЗОНА?

Smena

11003

ДВОРЕЦ
ТЕАТРАЛЬНО-КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ
НА ЯУЗЕ

11 марта 19.30

легенда джаза

Дебора Браун

СЕЗОН 10/11

МосГорТрио

Яков Окунь

рояль

Макар Новиков

контрабас

Александр Машин

барабаны

645 22 45
www.yauza-palace.ru

ТКЗ «Дворец на Яузе»
пл. Журавлева, д. 1 (м. Электrozаводская)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С ИЮЛЯ 2011 ГОДА ЖУРНАЛ «СМЕНА»
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ СТАНОВЯТСЯ
ЕДИНЫМ ИЗДАНИЕМ

Во втором полугодии 2011 года на 192 страницах журнала вы сможете прочитать лучшие детективы, остросюжетные романы и повести российских и зарубежных авторов, рассказы самых интересных молодых писателей. Мы продолжим публикацию незнакомых большинству наших читателей произведений отечественной прозы XIX и XX веков. В портфеле очерки о великих художниках и судьбах созданных ими шедевров, материалы о ярких судьбоносных событиях отечественной и мировой истории. Мы планируем печатать материалы о невероятных и удивительных фактах и явлениях окружающего нас мира. С нами продолжают сотрудничать ваши любимые авторы: Светлана Бестужева-Лада, Денис Логинов, Елена Логунова, Анна и Сергей Литвиновы, Ирина Опимах, Сергей Чекмаев, Евгения Гордиенко, Екатерина Пименова, Варвара Клюева...

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

- КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ» Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов
Индекс 70820 — для остальных подписчиков
- КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ» Индекс 99406 — для всех подписчиков
- ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ» Индекс 88998 — для всех подписчиков

30 **ЖИДАНИЯ**
Ап

18

МАРТА

20:00

МАШСА *u*
МЕДВЕДИ

наб. Обводного канала, 118 ТРК "Варшавский экспресс"

777-05-05 **WWW.CLUBZAL.COM**

С М Е Н А

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2011

- 5** *КОЛОНКА*
Смерть — интимное дело
- 6** *ГЛАВНАЯ ТЕМА*
Несущие страх
О чем молчат 38 снайперов?
- 12** **Россия — родина терроризма?**
- 16** **Синдром страха**
- 18** **Перед шагом в небо**
- 24** **Девочки со спичками**
- 30** **Взрыв ценой в вечную жизнь**
- 32** **Пострадали — получили**
- 33** *КОЛОНКА*
Маленький респект мирозданию
- 34** *ОСВЕЩЕНИЕ*
Вопреки здравому смыслу
Спектакль о «Норд-Осте» и поисках правды
- 36** **Книги и фильмы о терроризме**
- 38** *ИСТОРИЯ*
Призрачный Дом Романовых
- 48** *ЛИТЕРАТУРА*
Гроза Александр Еланский
- 50** **Когда горы заснут** Михаил Кликин
- 60** **Дотла** Сергей Чекмаев

Главный редактор
Михаил Григорьевич Кизилов

Над номером работали:

Евгений Круzensхтерн, Дмитрий Казнин, Николай Панин, Марина Левичева, Владимир Лактанов, Елена Любимкина, Валерий Володченко, Кирилл Лакейхин, Андрей Козлов, Дмитрий Горельшев, Алексей Ермаков, Томас Бодуэн, Вероника Батхан, Мария Комарова, Екатерина Бондаренко, Денис Логинов, Михаил Кликин, Сергей Чекомаев, Мария Арадушкина, Александр Еланский

В номере использована фотография
PhotoXPress

Заместитель главного редактора
Тамара Васильевна Чичина

Выпускающий редактор
Светлана Викторовна Гуркина

Корректор
Юлия Борисовна Воронова

Проект www.smena-online.ru
Веб-редактор

Анна Игоревна Шеркунова

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»:

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мерекко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бишко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина

e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова

e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

Учредитель и издатель — Общество с ограниченной ответственностью

«Издательский дом журнала «Смена»

Адрес издателя и редакции:

127994, Москва,

Бумажный пр., д. 14

e-mail: journal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени**

«Чеховский полиграфический комбинат»

142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 55 000 экз. Зак. № 903

Журнал зарегистрирован в Комитете

Российской Федерации

по печати (Пер. № 014832)

www.smena-online.ru

Подписные индексы:

каталог «Роспечать» 70820

каталог «Объединенный» 88998

каталог «Почта России» 99406

Подписка в Интернете: www.mega-press.ru

ParaType

© ООО «Журнал «Смена» 2011

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, опубликованные в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Обложка: **Андрей Кузнецов**

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.02.2011

С М Е Н А

№ 3 (1757) МАРТ 2011

ИЗДАЁТСЯ С ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

К сожалению, сегодня каждого из нас тревожит, беспокоит, волнует, а многие уже и лично столкнулись со страшной бедой современности, имя которой — терроризм. Откуда это зло, где его истоки, что нужно сделать, чтобы наши дети спокойно ходили в школы, а мы безбоязненно ездили в метро и летали в самолётах? И почему именно у нас погибает так много мирных жителей?

Михаил Сергеевич Горбачёв, первый и последний президент Советского Союза, любил «посоветоваться». Считая себя демократом, он периодически приглашал творческую элиту и журналистов для «обсуждения острых проблем современности». На одном из таких заседаний обсуждались события в Средней Азии, откуда русскоязычное население стали выдавливать, а в Таджикистане и вырезать. Ему хотелось узнать: почему вдруг это случилось?

Алексей Баталов, народный артист, большой умница и блестяще образованный интеллигент, пояснил: «Человек — существо сложное. Люди не меняются. Меняются обстоятельства вокруг них».

Некоторые из участников дебатов пытались ему возражать, большинство же пропустили слова мимо ушей. Однако со временем приходит понимание, что и это — «меняющиеся обстоятельства» — тоже является одной из причин современного террора.

Но, наверно, и ещё что-то...

Что же? И почему в конце XIX и начале XX веков народовольцы и студенты взрывали и стреляли власть имущих, а сегодня гибнут простые, ни в чём не повинные люди?

Наши авторы и эксперты пытаются на страницах журнала разобрататься в этих вопросах. Быть может, их выводы и соображения покажутся вам спорными и необидительными. Что ж, мы готовы выслушать ваше мнение и в «Смене», и на нашем сайте.

С уважением, Михаил Кизилов

Когда-то давно смерть была частью жизни. Её не стыдились, её не боялись, к ней всегда были готовы, воспринимая её как переход, как продолжение. Сегодня о смерти говорят или вполголоса, или как о протокольном мероприятии... Но ведь она никуда не делась и всё так же ужасна. И каждый, кто встречается с ней, ощущает безграничное одиночество, которым ни с кем нельзя поделиться.

Люди прыгали в уже отплывающий катер, и матросам ничего не оставалось, как разместить их или на палубе, или в салоне. Это была «ракета», курсирующая между Батуми и Сочи, чуть ли не единственный транспорт, связывавший на тот момент Грузию и Россию, ведь в Абхазии шла война. Нам билеты достались по благу, через знакомого отца. День перед отплытием мы с отцом и сестрой провели у него в гостях. На деревьях висели мандарины, воздух был прозрачен и тих. Запоминается обычно именно это: цветные образы, смутный пейзаж, — обрывок киноплёнки, на которой, сколько ни крути, только синее небо, зелёные деревья, запах моря, ранние сумерки, а на тебе лёгкая бело-зелёная майка, привезённая мамой из Индии.

Отплывали мы на следующий день утром. На пристани стояла толпа, пытавшаяся прорваться на вожделенную «ракету», предлагая русским матросам деньги, ценности, угрозы и мольбы. Наконец, отплыли, давая возможность трём-четырёх самым отчаянным прыгнуть на катер в последний момент. Как повезло! — читалось на лицах тех, кто рискнул и теперь под мерное тарыхтение направлялся вместе с нами, легальными пассажирами, в Сочи, а оттуда — в Краснодар, Ростов, Тюмень, Кемерово, Москву или Саратов — отпуск рано или поздно заканчивается у всех.

Мы спали, когда над катером загудел вертолёт без опознавательных знаков. Вертолёт не отвечал на запросы, и когда, почувствовав

Дмитрий Казнин

С м е р т ь — И Н Т И М Н О Е д е л о

неладное, мы вылезли в проход между креслами и легли там, с вертолёт открыли пулемётный огонь. Мужчине, прятавшемуся за огромной клеёнчатой сумкой, вырвало бок пулей, кто-то кричал, началась паника. Близость смерти обезобразила лица. Мужчины плакали, молясь в голос, рвали спасательные жилеты у детей, прыгали за борт.

Уже потом, когда нас, кособоких от попавшей в борт ракеты, на буксире притащили в Геленджик, мы стали понемногу приходиться в себя. Пол был покрыт слоем крови и стекла. Мы причалили прямо к пляжу. Осторожно вынесли девочку, которой пулей перебило позвоночник. Отдыхающие в купальниках толпились у пристани и глазели...

Это случилось, когда мы учились в школе. Мы сидели на набережной, и двое из нашей компании ушли через дворы, а через минуту один из них, с чужим лицом, вернулся. Какие-то неизвестные отняли перочинный нож у второго паренька, которого звали Женя, ударили в сердце и ушли. Мы побежали туда и увидели Женю, он лежал на асфальте, ещё живой. В турецком свитере виднелась дыра от лезвия, крови почти не было. Женя умер на операционном столе.

Два моих одноклассника покончили с собой с перерывом в несколько лет. Артём отравился но-шпой во дворе детского сада, когда мы были в шестом классе. А девушка Наташа, с которой когда-то я ходил после уроков домой, выбросилась из окна, поссорившись с мужем.

Когда на станции метро «Сенная площадь» обвалился козырёк, погибли семь человек. За считанные минуты пространство площади заполнилось жителями окрестных домов, зеваками, наркоманами и ворами, журналистами и старушками. Будто метла времени поскребла по углам и вымела на свет божий героев Достоевского, чтобы показать: ничего не изменилось, смерть так же нелепа, люди так же охочи до зрелищ. Семеро людей просто стояли под козырьком, кто-то назначил встречу, кто-то остановился прикурить, кто-то занимался скупкой золота и часов, кто-то просто стоял и, жмурясь, глядел на солнце. Бетонный, советского покроя, козырёк обвалился так быстро, что люди не успели выскочить на открытое пространство. Тела грузили в скорые, я пытался получить комментарий официальных лиц, а толпа вокруг смотрела на смерть, притихшая, похожая на такие же толпы сто, двести и триста лет назад.

Юрка умер от болезни крови, ещё два университетских товарища погибли в автокатастрофах, дворовый знакомый сорвался с крыши, многих стубили наркотики, как Диму, с которым мы просидели за одной партией почти 10 лет. Слишком уж много вокруг смерти, которую сложно объяснить, смерти, которую принято называть нелепой или случайной, слишком много смерти для того, чтобы фанатично множить её, губя ни в чём не повинных людей, у которых есть шанс дожить до старости, осчастливить близких, совершить пару неплохих поступков, просто жить. Кто сказал, что мы рождаемся для чего-то, для какой-то высшей цели? А может, мы рождаемся, чтобы просто жить... ☐

Валерий Володченко

НЕСУЩИЕ СТРАХ

О чём молчат 38 снайперов?*

Взрыв в московском аэропорту Домодедово, унёсший 36 жизней и полторы сотни людей покалечивший, похоже, не ошеломил и не потряс Россию.

Привыкли? Одни, начиная сопоставлять количество нынешних жертв с человеческими потерями при взрывах домов в Каспийске и Волгодонске, штурме Театрального центра на Дубровке, утреннем кошмаре в электричке на Кавминводах и т. д., приходят к «оптимистичному» выводу: могло быть и хуже! Другие, выстраивая список скорбных событий, вдруг осознают, что стремительно стирается из памяти трагический календарь, забывается хроника кровавых террористических преступлений. Нынешняя трагедия для всех нас чрезвычайно оскорбительна ещё и цинизмом, будничностью содеянного. Велика Россия, но отступать-то, как мы неожиданно поняли, уже некуда. И главное, никаких героев-панфиловцев не обнаруживается и не предвидится. Что с нами происходит? Кажется, пришло время для чёткого и честного ответа.

Терроризм существовал всегда и как явление возник в доисторические, библейские ещё времена. Жуткие расправы над беззащитными людьми, которыми переполнен Ветхий Завет, — очевидное тому подтверждение. А вот само наименование *teggog* (страх, ужас) дал бытовавшему объективно явлению древнегреческий философ Аристотель.

В тамошних театрах актёры так виртуозно и реалистично исполняли свои трагедийные роли, что зрители от страха массово впадали в состояние нервной экзальтации. Но ведь и весь мир, как известно, — театр. И когда любимый воспитанник философа Александр Македонский повёл свою неистовую конницу к краю Ойкумены, и кровь полилась совсем не бутафорская, ужас (*teggog*) сковал уже всё человечество. Так с тех пор и живём...

Убийство Брутом римского диктатора Гая Юлия Цезаря в 44 г. до н. э. вполне можно считать первым известным и успешным политическим террористическим актом. К «одиночному терроризму» можно отнести и насильственные ликвидации римских императоров-деспотов Калигулы и Домициана. А вот первой известной массовой террористической организацией стала секта сикариев, действовавшая в Палестине в самом начале новой эры и нещадно истреблявшая всех приверженцев замирения с римлянами. Члены этой древнейшей экстремистской группировки профессионально пользовались

кинжалами или короткими мечами — сиками, отсюда и название секты.

В XII веке ужас на окружающих навели беспощадные ассасины-фидаи — «жертвующие собой». Этот клан профессиональных убийц создал тайный имам и реальный вождь исмаилитов Хасан ибн ас-Саббах, захвативший в горной долине к северу от Хамадана (современный Иран) крепость Аламут и вошедший в историю под именем Горного Старца. О его методе воспитания средневековых террористов оставил воспоминание сам Марко Поло: «Содержал Старец при своём дворе тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы под стражей и знали понаслышке, как Мухаммед, их пророк, описывал рай. Приказывал Старец вводить в этот рай юношей. И вот сперва их напоят. Сонными брали и вводили в сад. Там их будили. Проснётся юноша и поистине уверует, что находится в раю, а жёны и девы весь день с ним играют, поют, забавляют его, всякое желание исполняют. Захочет Старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих ассасинов, посылает он многих из них в недалёкие страны; они идут и приказ его исполняют. Кто останется цел, возвращается ко двору». Надо понимать, чтобы опять оказаться в «раю», в бесконечном наркотическом опьянении. В ожидании нового задания...

Достоверно известно, что в числе жертв средневековых головорезов-ассасинов было восемь государей, три халифа, шесть визирей, множество наместников областей, правителей городов, важных духовных лиц и т. д. Движимые не ясной до конца религиозной мотивацией, вездесущие «боевики» Горного Старца добивались даже до европейских князей, графов и баронов. Пострадавшему же от резни рядовому населению счёта вообще не было. Вот, оказывается, откуда берут начало методы и приёмы современных экстремистов...

Прерывая затянувшийся экскурс в прошлое, вынужден с сожалением констатировать: Россия давно обезображена гнусными следами терроризма. Люди, пожившие при советской власти и знакомые с «кратким курсом» революционной истории, хорошо помнят, каким

героическим ореолом ещё недавно были окружены имена государственных, по сути, преступников, разрушивших страну «до основания», но не выполнивших обещанное «а затем»: бомбисты «Народной воли», дружинники-боевики эсеров и большевиков. Сам будущий «отец народов» не чурался насильственных «экссов» во имя безумной идеи и исполнял их, пополняя «общак», весьма результативно. А потом понеслось-закружилось: красный террор, карательные ЧК-ОГПУ-НКВД, превращённые в тюрьму Соловки, бескрайний архипелаг ГУЛАГ... Миллионы загубленных жизней!

Ныне пришло совершенно ясное понимание: сегодняшние кровавые и, увы, будничные террористические акции — это ещё и следствие наших неуклюжих «контропераций» на Северном Кавказе, в частности в Чечне.

После каждого случившегося теракта у нас начинаются, как водится, массовые и уже привычные антитеррористические мероприятия. Во-первых, создаются штабы и комиссии по расследованию, с широким оповещением населения о проделанной работе, то есть о создании этих самых штабов и комиссий. Во-вторых, на экранах телевизоров обязательно появляются (опять же массово) знакомые энергичные лица, которые клянутся сурово наказать гадов. В-третьих, десятков-другой силовиков немедленно (в разгар торжественно объявляемой операции антитеррора!) лишается не очень высоких своих постов, что весьма логично — стрелочки всегда под рукой. И обо всём происходящем в режиме онлайн уведомляются телезрители. При этом среднестатистический россиянин, сидящий в этот момент у телевизора, никак не может взять в толк: а зачем ему все эти специальные сведения о хитроумных профессиональных комбинациях и решениях, если банальная поездка на метро давно превратилась в лотерею с весьма туманным конечным результатом?!

Если бы все гневные декларации российских властных и силовых структур, так мощно и в унисон звучащие после каждого теракта, можно было перевести в «трогилловый эквивалент», то после такого пересчёта и самих антитеррористических мероприятий проводить бы, пожалуй, не потребовалось.

* 9 января 1996 года группа чеченских боевиков под командованием Салмана Радуева провела террористический рейд на дагестанский город Кизляр. Боевики захватили заложников и 10 января укрепились в селе Первомайском. 13 января президент России Борис Ельцин в телеинтервью стал пугать террористов, заявив: «Операция очень и очень тщательно подготовлена, каждому из 38 снайперов определена цель, цель перемещается, и он глазами перемещается, постоянно...» Над этими словами плакала и смеялась вся Россия.

Потому что террористы со страху сами на себя надели бы наручники. Власть, похоже, твёрдо уверовала в такую возможность и эффективность своих ритуальных заклинаний: и 38 снайперов она, власть, против боевиков выставляла, и «мочилово в сортире» взрывателям домов устраивала, и со дна канализации подлых выроdkов выковыривала.

Кто-то когда-то опрометчиво заявил, что преступность не имеет национальности. И российское чиновничество с восторгом заголосило: не имеет, не имеет! Но ведь национальность — один из социально-демографических признаков личности. И многие преступные организации мира созданы именно по национальному признаку. Классическая мафия состоит из итальянцев, якудза — из японцев, триада — из китайцев. А вольные таборы цыган, склонность которых к конокрадству отмечена во всей мировой литературе, а самим цыганским сообществом мудро не оспаривается?

Оперативные сотрудники в частных беседах признают: большинство российских преступных объединений тоже формируется по ярко выраженному этническому принципу. И ничего глупее, как придумать обобщённую «кавказскую национальность», мы сделать не могли. А на Западе нашу страусиную «национальную политику», можно сказать, увековечили: всех бандитов бывшей одной шестой части суши там теперь уверенно называют «русской мафией». Последняя, хоть и состоит чаще всего из «братского интернационала СНГ», известность получила именно по национальному принципу. И никаких протестных заявлений и жалоб в Конгресс и американский Белый дом!

Иное дело с «лицами кавказской национальности» у нас в стране. Национальные отношения ещё с советских времён строго цензурированы. Наша запредельная «толерантность» перешла, похоже, все разумные границы. Например, словесный портрет преступника, объявляемого в федеральный розыск, не должен содержать даже намёка на его национальную принадлежность, и южный национальный регион, где может предположительно скрываться у своих родственников бандит, сыщики — от греха подальше! — в ориентировках предпочитают не упоминать.

В мои школьные времена (а прошли они в Караганде, где в пятидесятые годы прошлого века проживали многие высланные в Казахстан народы Кавказа) детские драки очень часто

заканчивались хоть и небольшим, но кровопролитием. У русских, казахских, немецких ребятшек учителя даже рогатки и перочинные ножи отнимали, а чеченские и ингушские наши сверстники спокойно разгуливали с кинжалами и финками. Учителя объясняли это национальной традицией — не стоит, дескать, посягать на вековые устои. Такое двуличье взрослых нам тогда казалось жуткой несправедливостью. И мы шли в секции бокса и борьбы от национальной ущемлённости тоже — кулак должен был надёжно противостоять кинжалу.

Но всё-таки как быть с главным вопросом?

Прежде всего необходимо официально признать: да, проблема существует и сама собой не рассосётся! Терроризм давно стал Четвёртой мировой войной (Третьей считается война холодная, слава богу, закончившаяся) и требует адекватных властных реакций. На войне как на войне...

Писатель Данил Корецкий, автор знаменитого «Антикиллера» и многих других известных романов, в которых он ещё в начале 90-х годов очень точно предсказал тотальный разгул терроризма в России, своей позиции не скрывает: «Люди же не слепые и не глухие. Если именно «лица кавказской национальности» совершают теракт за терактом, нападают на родильные дома, больницы, школы, мирных жителей, театральных зрителей, то очень трудно воспринять абстрактный тезис «вайнахи не воюют с женщинами и детьми». Кого-то могут покоробить это эмоциональное писательское высказывание и такой откровенный радикализм, который большинство из нас привыкли тщательно скрывать и микшировать. Но и заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор Ростовского юридического института МВД России, почётный сотрудник МВД России, полковник милиции в отставке Данил Корецкий, воспитавший тысячи и тысячи офицеров правоохранительных органов (в том числе и национальных кадров для Северного Кавказа), твёрдо убеждён: с возродившимся из прошлого и обновлённым элементом современной преступности терроризмом надо бороться не традиционными и малоэффективными способами, а столь же современными, возможно, тоже возрождёнными из прошлого методами, иначе терроризм не победить.

«Суть моей позиции была и остаётся простой: действия террористов должны влечь

адекватные действия властей, только многократно усиленные, — объясняет Корецкий, эпатажно обостряя ситуацию. — Если, скажем, захвачено семьсот заложников, то в ответ надо взять три тысячи родственников, односельчан бандитов. А сто самых близких привезти на место события: пусть расскажут террористам, что их родовые сёла поставлены под прямую наводку установок «Град». И тогда сразу ситуация изменится, изменится тональность переговоров, изменится боевой дух бандитов. Уже они станут выторговывать условия сдачи! Кроме того, превентивные удары должны наноситься по организаторам, пособникам и финансистам террористических акций. Опыт Израиля, Турции, США показывает, что подобные методы весьма эффективны. И, подчеркну, они законны и высокоморальны. Правовой основой предлагаемых действий является хорошо известный уголовно-правовой институт крайней необходимости. Статья 39 УК России не считает преступлением причинение вреда охраняемым законом интересам третьих лиц для устранения опасности, угрожающей гражданам, интересам общества и государства. Разрешено причинение вреда виновным при необходимой обороне (ст. 37) и задержании преступника (ст. 38). Конечно,

придётся непривычно широко трактовать пределы действия этих институтов. Но чрезвычайная опасность терроризма оправдывает такое расширение».

Депутат и член комитета Государственной думы по безопасности Александр Гуров, в годы перестройки первым возглавивший в МВД СССР знаменитое Главное управление по борьбе с организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом и первым предложивший провести «путинский набор» в правоохранительные органы, сегодня считает, что подобными «наборами» ситуацию уже не исправить. Только все мы, граждане России, объединившись и сплотившись, можем остановить очевидный процесс — распад Родины.

Внятно, понятно, конкретно. К сожалению, такой внятности нет в основополагающем, казалось бы, правовом документе, на котором строится вся антитеррористическая деятельность, — Федеральном законе Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В нём присутствуют откровенные нелепицы и системные сбои. Например, в статье 2 «Основные принципы противодействия терроризму» закон в первом же пункте уверенно декларирует

«обеспечение и защиту основных прав и свобод человека и гражданина». Казалось бы, всё логично: мы привыкли во главу угла ставить «права и свободы». Но! Если учесть, что в третьем пункте «принципиальной статьи» закона говорится о «ПРИОРИТЕТЕ (*Выделено мной.* — В. В.) защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности», то логически (и юридически!) из этого пассажа следует, что при проведении антитеррористических мероприятий главной задачей сотрудников силовых структур является не безусловное уничтожение боевиков, а только буквальное исполнение «основного принципа», то есть обеспечение (пусть и во вторую очередь) прав... террористов. Нонсенс? Ничуть не бывало! Ведь биологически террористы определённо люди-человеки, да и гражданства их никто не лишал. Вот и получается, что ради формального обеспечения «законных прав» нескольких отморожков в массовом порядке страдает и расплачивается жизнями законопослушное население. Зато всё по букве закона...

Хотя «буквы» эти вызывают много вопросов. Так, например, в законе приводятся множественные определения практически идентичной деятельности: теракт, террористическая деятельность, терроризм, причём каждое несёт свою смысловую нагрузку. А потом вконец запутавшемуся читателю разъясняется, как недоучке старшекласнику, что такое противодействие терроризму.

Ну а в чём золотое ядро закона, которое позволяет надёжно покончить с мировым злом? Увы, с золотым ядром дело обстоит неважно. В Законе всего 27 статей. В первых 15-и рассматриваются общие вопросы, в том числе подготовка контртеррористической операции (кт-операции). Статья 17 говорит об окончании операции, статьи 18–25 — о её последствиях. Статья 16-я — единственная, которая посвящена непосредственно кт-операции. Она предусматривает... возможность ведения переговоров с террористами. Прочтя закон, чувствуешь себя обманутым. Неужели борьба с терроризмом состоит только из переговоров?! А каково содержание кт-операции, её пределы, допустимые меры, гарантии исполнителей, на кого возлагается бремя риска отклоняющихся последствий? Вот тут-то и заложить бы возможность встречного захвата родственников террористов, развязать в правовом отношении руки бойцам сил антитеррора и, наоборот, связать по рукам и ногам террористов. Но для всего этого

необходимо креативное мышление, знание закономерностей террора, политическая и личная смелость законодателей. Очевидно, у депутатов таких качеств не наблюдается, поэтому статья 16-я и посвящена словам. Слово — привычное оружие политика, но есть хорошая поговорка: «Плетью обуха не перешибёшь». Так и террориста словом не обезвредишь. Даже если «38 снайперов» будут кричать во весь голос...

После взрыва в аэропорту Домодедово депутаты Государственной думы в рамках «правительственного часа» обсудили вопросы безопасности на транспорте. На заседание были приглашены глава ФСБ Александр Бортников, министр внутренних дел Рашид Нургалиев, генпрокурор РФ Юрий Чайка, глава Следственного комитета Александр Бастрыкин, министр транспорта Игорь Левитин и другие высокопоставленные чиновники. Депутатское мероприятие хоть и проходило в закрытом режиме, но его выводы стали тут же известны. И выводы эти можно отнести к сенсационным.

Во-первых, официально заявлено об ИДЕЙНОМ (*Выделено мной.* — В. В.) факторе терроризма, который раньше категорически и презрительно отвергался: «Террористами руководит очень серьёзный идейный фактор. Чтобы совершить теракт, им уже не нужно употреблять психотропные или другие препараты. Ведь ни бедность, ни экономическое расслоение никогда ранее не приводили к такому числу терактов».

Вторым принципиальным моментом явилось признание «автономных террористических исламистских ячеек». А ведь раньше речь всегда шла исключительно о бандподполье как о некоем региональном явлении.

А ещё депутаты дали оценку деятельности российских спецслужб, заявив, что не удовлетворены докладами представителей силовых органов, так как, кроме отчёта о «титанической работе ФСБ», они ничего не услышали и не смогли убедиться в эффективности борьбы силовиков с террористической заразой.

Такое резкое изменение «властного взгляда» на проблемы терроризма вроде бы позволяет надеяться на результативные и наступательные дальнейшие действия. Но пока, к сожалению, реальные эти действия свелись к тому, что теперь пассажирам рекомендуют за три часа прибывать в аэропорт, чтобы не опоздать на самолёт из-за усиленного досмотра. Помилуйте! Разве хоть один террорист проходит досмотр?! Все случаи взрывов воздушных

судов связаны с тем, что преступники находили лазейки и обходили профилактические процедуры. В том же Домодедово две смертницы за определённую мзду были проведены в самолёты сотрудниками сил охраны аэропорта! Последний случай тоже объяснили тем, что смертник свободно миновал неработающие металлодетекторы. При чём же тогда пассажиры?

И вообще, исследовал ли кто-нибудь огромный массив совершённых в России терактов на макроуровне? Кто их совершает — пол, возраст, национальность, место жительства и т. д.? Каковы основные характеристики каждого теракта? Откуда берётся взрывчатка, как она провозится через всю страну? Какие причины и условия характерны для этого вида преступлений? Принимались ли меры по их устранению? Кто виноват в том, что они сохранились и прогремел очередной взрыв?

Боюсь, что никто этим не занимался и не занимается, во всяком случае, по результатам «поствзрывной активности» этого не видно. А длинющие очереди законопослушных пассажиров к металлодетекторам — это только видимость, имитация профилактики...

Жаль, конечно, что все перемены «к лучшему» у нас случаются лишь после известной болезненной процедуры — когда «жареный петух в одно место клюнет». И обычно реакция российских чиновников на теракты не способствует наведению в стране порядка. Помнится, после серии взрывов домов в Москве один из руководителей силовой структуры простодушно объяснил, что случившаяся кутерьма в Рязани (жильцы многоквартирного дома всю морозную ночь, ожидая взрыва обнаруженных в подвале мешков с веществом, «похожим на гексоген», провели на улице) была, оказывается, простой ведомственной проверкой-тренировкой «антитеррористического подразделения». Тогда популярный телеведущий в сердцах высказался по этому поводу в прямом эфире: «Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие...»

Когда президент России Дмитрий Медведев в сопровождении руководителей МВД и ФСБ, а также генпрокурора неожиданно приехал на Киевский вокзал Москвы, чтобы на месте проверить, как обеспечивается безопасность на железнодорожном транспорте, то при входе в здание вокзала глава государства не встретил ни одного сотрудника милиции. Не оказалось их и в самом зале.

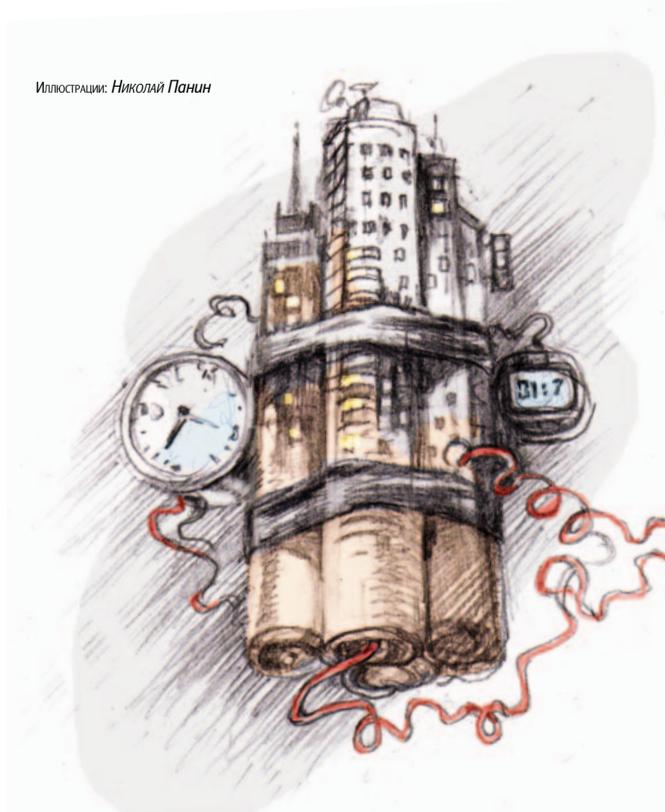
«Где милиция, как контроль осуществляется?» — спросил президент, заходя в кабинет начальника вокзала. Оторопевший начальник бодро отрапортовал, что во вверенном ему здании всё приведено в соответствие с последними требованиями.

Глава государства прошёл в комнату дежурного милиционера и попросил находившегося там сотрудника милиции объяснить, почему в зале нет ни одного милиционера. «Господин полицейский» начал куда-то звонить и выяснять, где его подчинённые. Внятного ответа президент так и не получил.

Начальник Киевского вокзала, сопровождая Дмитрия Медведева, продолжал рассказывать об усилении контроля и о выпущенном на этот счёт соответствующем распоряжении. «Через каждые два часа железнодорожные дежурные вместе с сотрудниками ОВД проводят проверки, осматривают подвальные помещения», — подробно расписывал вокзальный начальник мероприятия, «которые ни одного шанса злоумышленникам не оставят...»

...Всезнающий Интернет отказался назвать количество железнодорожных вокзалов в России. Сведения, возможно, секретные, не подлежащие разглашению как раз в целях национальной безопасности. Но я точно знаю: вокзалов в России много. И на всех президента не хватит... ▣

Иллюстрация: Николай Панин

ТЕРРОРИЗМ И ПРАВОСУДИЕ

Кирилл Лакейхин

Ильич Рамирес Санчес (Шакал) (родился 12 октября 1949 года) — фактически главный международный «наёмный террорист». В 70-х годах сотрудничал с Народным фронтом освобождения Палестины, итальянскими Красными бригадами, колумбийской организацией М-19, японской «Красной армией» и другими.

Действие: В 1975 году Санчес в Париже при попытке ареста (за убийство, совершённое двумя годами ранее) убил двух полицейских и бежал в Ливан, где принял ислам. В том же году захватил штаб-квартиру ОПЕК (международная межправительственная организация, созданная нефтедобывающими странами в целях стабилизации цен на нефть) в Вене. Получив самолёт в своё распоряжение, Карлос с шестью сообщниками и 42 заложниками совершили три перелёта: сначала в Багдад, после в Триполи (Ливия) и Алжир. В каждом из городов они отпускали заложников. В Алжире ему было предоставлено политическое убежище. В общей сложности Санчесом за всё время его террористической деятельности было убито около 80 человек.

Суд: 4 августа 1994 года в столице Судана Хартуме французские спецслужбы провели операцию по поимке Шакала. Через несколько месяцев во Франции состоялся суд. Санчес был приговорён к пожизненному заключению, которое отбывает по сей день.

РОССИЯ — РОДИ

Владимир Лактанов

Терроризм жёстко прошёл по всей России. В XIX — начале XX века революционеры убивали высокопоставленных чиновников, при этом нередко погибали и люди из их окружения. К примеру, в 1879 году был застрелен харьковский генерал-губернатор, князь Дмитрий Кропоткин. В том же году произошёл взрыв на железной дороге Москва — Крым. Террористы, задачей которых было убийство императора Александра II, своей цели не достигли: монарх остался жив, да и пострадавших не было. Второе покушение на Александра II произошло год спустя, когда в столовой Зимнего дворца народоволец взорвал бомбу. Самодержец снова не пострадал, зато погибли двое солдат, охранявших Зимний дворец. Императора «добили» лишь с третьей попытки в 1881 году взрывом бомбы в Петербурге. Бомбами были также убиты министр внутренних дел Российской Империи Вячеслав Плеве в 1904 году и московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович — в 1905-м. А в 1906 году в результате покушения на премьер-министра Петра Столыпина в Петербурге взрывом были убиты 27 человек, при этом более ста были ранены.

Столыпин остался жив, но был убит в 1911 году в Киеве.

Годы Гражданской войны 1917—1923 годов вошли в историю как разгул красного и белого террора. Советская власть жёстко подавляла выступления несогласных с новым строем, терроризм применялся не только как средство устрашения антибольшевистских сил, но и как «пугало» для мирного населения. Целые слои общества были провозглашены вне закона: дворяне, помещики, офицеры, священнослужители, кулаки, казаки. «Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров», — писал Ленин в 1918 году.

«Заветы Ильича» выполнялись на ура. Яркий тому пример — инцидент в селе Березовский Завод 14 июня 1918 года. Рабочие проводили митинг против действий большевистских комиссаров, которые

НА ТЕРРОРИЗМА?

не только захватили лучшие дома в селе, но и присвоили деньги, взысканные с местных толстосумов. Красногвардейцы открыли огонь по митингующим, в результате чего погибли 15 человек. На следующий день местная ЧК провела «разбор полётов», и ещё 14 человек, подозреваемых в причастности к акции протеста, были немедленно расстреляны.

Историки до сих пор спорят, что было раньше — белый террор или террор красный. Но вне зависимости от того, кто начал первым, белый террор носил более мягкий характер, если такое определение вообще можно применить по отношению к терроризму. Белые не создавали на занятых ими территориях аналогов ЧК или революционных трибуналов. Белые не расстреливали людей по социальному или иному признаку, не брали заложников, да и вообще не рассматривали террор как необходимость. Белый террор носил большей частью спонтанный характер.

1990-е и 2000-е годы вошли в историю России как время наиболее жестоких терактов за всю историю страны. Одними из самых громких терактов считаются захват заложников в больнице города Будённовска в 1995-м, взрывы жилых домов в Москве в 1999 году, «Норд-Ост» в 2002-м, атака на школу в Беслане в 2004-м, взрывы в московском метро в 2010-м. Россия ещё не скоро забудет захват заложников в рейсовом автобусе, следующим по маршруту Пятигорск — Красногвардейское, в 1994 году, взрыв на центральном рынке Владикавказ в марте 1999-го, взрыв в подземном переходе на Пушкинской площади в 2000-м, теракт во время рок-фестиваля «Крылья» в 2003-м, взрыв вагона метро на перегоне между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» в 2004-м, «Невский экспресс» в 2009-м, Домодедово в 2011-м.

Тем не менее нельзя говорить о том, что Россия — родина или колыбель терроризма. Наша страна не сделала ничего особенного или сверхнормативного для развития мирового терроризма.

Одним из отцов-теоретиков современного терроризма можно назвать немецкого радикала Карла

Гай Фокс (1570—1606) — английский дворянин-католик.

Действие: 5 ноября 1605 года группой заговорщиков было организовано покушение на короля Англии Якова I. В подвалы парламента были подложены 36 бочек с порохом. Планировалось, что король

в этот день появится в парламенте. Поджечь фитиль должен был Гай Фокс. Но кто-то (имя осталось невыясненным) предупредил охрану, и заговорщики были схвачены.

Суд: 27 января 1607 года состоялся суд, на котором всех участников заговора приговорили к казни через повешение и пыткам четвертованием и потрошением. Фокс избежал пыток, спрыгнув с уже наброшенной петлёй с эшафота, сломав себе шею. В дальнейшем Гай Фокс стал мифическим персонажем, его именем был назван праздник в честь английской короны. Ночь Гая Фокса празднуют 5 ноября. Как в русскую масленицу, англичане сжигают соломенное чучело неудавшегося террориста и взрывают петарды.

Теодор Качински

(родился 22 мая 1942 года) — доктор философии Гарвардского университета по математике. Теракты совершал, отправляя посылки с бомбами по почте, ФБР называло его в своей внутренней корреспонденции Unabomb (с английского Universities and Airlines Bombings — «университетов и авиакомпаний бомбардировки»). В прессе получил прозвище Унабомбер.

Действие: В течение 17 лет отправил почтой 16 бомб, что привело к гибели трех и ранению 23 человек. Поимка Унабомбера была затруднена тем, что, как выяснилось впоследствии, Качински жил в хижине без света и канализации в штате Монтана. 24 апреля 1995 года «Нью-Йорк Таймс» опубликовала его послание, в котором он обещал воздержаться от дальнейших терактов. Газету случайно прочитал его брат Дэвид и узнал почерк Качински. После этого Унабомбер был арестован.

Суд: 3 апреля 1996 года был арестован и приговорён к четырёх пожизненным заключениям. В настоящий момент находится в тюрьме штата Колорадо ADX Florence.

Ульрика Майнхоф (1934–1976) — одна из лидеров немецкого леворадикального террористического движения RAF (Rote Armee Fraktion) — Фракции Красной армии. Была одной из самых талантливых журналисток своего поколения. Со-

трудничала с журналом «Конкрет», выходящим при поддержке Социал-демократической партии Германии, в дальнейшем была главным редактором журнала.

В марте 1970 года Ульрика Майнхоф, пользуясь своим положением знаменитой журналистки, организует и участвует в побеге из тюрьмы Андреаса Баадера — одного из лидеров RAF. После чего становится фактически идеологом движения. Пишет программный документ RAF «Концепция городской герильи».

Действие: В течение последующих двух лет участвует в серии взрывов государственных и военных объектов США, располагавшихся на территории Западной Германии, в результате которых были убиты 4 человека и более 30 были ранены. С целью получения необходимых денежных средств для существования партии организует нападения на инкассаторские машины и ограбления банков.

Суд: Была арестована 15 июня 1972 года и помещена в тюрьму «Кёльн-Оссендорф». Стала одной из первых политзаключённых, содержащихся в условиях «мёртвых коридоров», т. е. системы полной изоляции. Впоследствии объявила голодовку, протестуя против таких строгих мер заключения. 29 ноября 1974 года в числе остальных рафовцев была приговорена в 8 годах лишения свободы. 9 мая 1976 года, согласно официальной версии, совершила самоубийство — сшив из лоскутов носового платка верёвку, повесилась на раме окна в камере.

Против официальной версии говорит несколько фактов: власти не могли сначала назвать точную дату смерти заключённой, путаясь между 8 и 9 мая. Вскрытие показало, что шейные позвонки сломаны не были. Верёвка, изготовленная подобным образом, не в состоянии выдержать человеческий вес. Наконец, не было оставлено никакой предсмертной записки, а на теле заключённой были обнаружены следы изнасилования. Церковь также отказалась от версии самоубийства, и Ульрика Майнхоф была похоронена на кладбище в Мариендорфе.

Гейнцгена. Этот деятель, живший в XIX веке, утверждал: «Высшие интересы человечества стоят любых жертв, даже если речь идёт о массовом уничтожении ни в чём не повинных людей». Мало того, Гейнцген призывал единомышленников разрабатывать новые средства массового убийства людей. Или ещё один немец — Иоганн Мост. Убедённый анархист, он написал книгу «Наука революционных военных действий: руководство по использованию и приготовлению нитроглицерина, динамита, пироксилина, гремучей ртути, бомб, запалов, ядов и прочего».

Идею о том, что Россия — родина терроризма, известные российские историки воспринимают настороженно.

Александр Дюков, историк, публицист:

— В определённом смысле Россию можно назвать родиной терроризма как политического инструмента. Нынешний терроризм имеет формы, которые очень отличают его от терроризма образца XIX века.

Терроризм образца XIX века был направлен на представителей власти, руководителей стран, как, например, в случае с покушением на Александра II. Терроризм XX века — массовый терроризм — претерпел несколько изменений. Цель этого нового терроризма не уничтожить представителей власти, а заставить их совершить какие-либо действия. И один из наиболее показательных примеров массового терроризма нового типа можно было наблюдать во время революции 1905—1906 годов, когда террористы осуществляли массовые убийства мелких чиновников, полицейских, гражданского населения именно с целью воздействия на власть.

Егор Холмогоров, публицист, историк, русский националист:

— Тезис о том, что Россия — колыбель терроризма, является обыкновенной антирусской клеветой. Все основные элементы терроризма как идейно мотивированного нелегитимного насилия были изобретены и широко внедрены задолго до начала народо-вольческого террора в России и долгое время применялись против самой России.

Политические убийства, имеющие общественную значимость, начались ещё в древнем мире. Афинские юноши, любовники Гармодий и Аристоклитон, убили афинского тирана Гиппарха. Их статуи «тираноубийц» были популярны в эпоху античности. Иудейская секта сикариев («кинжалщиков») во время восстания против римлян в I веке нашей эры практиковала убийство своих политических оппонентов и запугивание остальных. В Средневековье ту же традицию сохранила секта ассасинов. Чрезвычайно

широко распространился терроризм в Европе в эпоху Реформации и Контрреформации — особенно активно к политическому террору прибегали католики. Доминиканский монах Жан Клеман убил французского короля Генриха III, а несостоявшийся иезуит Равальяк — Генриха IV. В Англии неоднократно совершались покушения на жизнь королевы-протестантки Елизаветы I, а против её преемника Якова Стюарта в 1605 году был составлен католиками целый заговор с целью взорвать парламент, когда король будет произносить там речь. Своевременное раскрытие этого заговора до сих пор отмечается в Англии как праздник — Ночь Гая Фокса.

В начале XIX века теракты совершались против Наполеона Бонапарта французскими роялистами во главе с Жоржем Кадудалем. В 1820 году немецкий студент Карл Занд убил русского агента в Германии Коцебу, который считался проводником реакционной политики. В том же 1820-м Лувель, одержимый ненавистью к династии Бурбонов, убил будущего наследника французского престола герцога Беррийского.

Так что к тому моменту, когда в 1866 году народоволец Каракозов поднял руку на российского императора Александра II, политический терроризм во всём мире имел многотысячелетнюю историю и был весьма широко распространён в Европе.

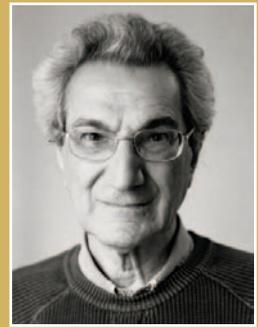
Юрий Николаевич Жуков, доктор исторических наук:

— Я не согласен с утверждением о том, что Россия — родина терроризма. И никогда с этим не соглашусь! Так утверждают те, кто в школе получал двойки, в частности по истории. Это сродни тому, что Россия считалась бы родиной слонов. Да, в XIX веке наши народовольцы занимались терроризмом, но до них были ещё и монархисты в Европе, которые убивали королей, премьеров и президентов. В Америке были убиты пять президентов, так почему бы на таком основании не объявить эту страну родиной терроризма?

Кроме того, у терроризма восточное происхождение. Террористы появились в районе Сирии — это так называемые ассасины. Именно ассасинам за их смерти обещали незамедлительное попадание в рай и миллион гурий в придачу.

Вывод однозначен: Россия не родина терроризма. Вопрос «а где тогда зародился терроризм?» остаётся без вразумительного ответа. Теракты совершались испокон веков в самых разных уголках земного шара. Идеологов терроризма также было предостаточно. Так что уместно будет сказать, что родина терроризма — планета Земля, а прародитель — человек. ▣

Антонио Негри (родился 1 августа 1933) — один из самых активных левых радикалов в Италии. Вместе с соратниками в 1969 году организовал группу «Рабочая власть», ставшую впоследствии знаменитой «Рабочей автономией».

Действие: 7 апреля 1979 года Антонио Негри был арестован и обвинён в организации похищения и убийства лидера Партии христианских демократов Альдо Моро и в планировании государственного заговора. Террористы похитили политика и держали его в плену 56 дней, добываясь от итальянского правительства, чтобы их организацию признали повстанческим движением. Когда правительство не пошло на уступки, Альдо Моро был расстрелян.

Суд: Пробыв в тюрьме три года, Антонио Негри был избран депутатом итальянского парламента. Через несколько месяцев лишается парламентского статуса и приговаривается в 13 годам лишения свободы. После вынесения приговора тайно уезжает во Францию, где 14 лет скрывается от итальянского правосудия. В 1997 году добровольно возвращается в Италию, где до 2003 года содержится под стражей.

Вера Фигнер (1852—1942) — русская революционерка, член исполнительного комитета «Народной воли».

Действие: Являлась одним из самых ярких активистов движения. В течение года была ответственна за деятельность «Народной воли» в Одессе, вернувшись

в Петербург, приняла активное участие в организации военной деятельности народовольцев. В 1880—1881 годах участвовала в двух покушениях на Александра II. После убийства царя была арестована — последней из всех членов комитета, причастных к убийству.

Суд: В 1884 году по «процессу четырнадцати» Веру Фигнер в числе других обвиняемых приговорили к смертной казни. Через 9 дней приговор заменили бессрочной ссылкой. Провела 20 лет в одиночной камере Шлиссельбургской крепости.

СИНДРОМ СТРАХА

Андрей Козлов, Ставрополь

Жители Ставропольского края не понаслышке знают о том, что такое терроризм. В июне 1995 года банда Шамиля Басаева захватила больницу в городе Будённовске. Погибло 129 человек. В конце 1990-х – начале 2000-х была организована серия взрывов на рынках, вокзалах, в электричках и автобусах, преимущественно в курортном регионе Кавказских Минеральных Вод.

Нынешнюю активизацию экстремистских настроений на Ставрополье обыватели и некоторые эксперты связывают прежде всего с вхождением края в Северо-Кавказский федеральный округ, образованный в январе 2010 года.

Если со времён окончания Чеченской войны на Ставрополье практически не было крупных террористических вылазок, то только за 2010 год здесь произошло два теракта и один удалось предотвратить.

В мае у входа в крупнейший в Ставрополе Дворец культуры прогремел взрыв, в результате которого 8 человек погибли и более 30 получили ранения и увечья. Трагедия произошла за несколько минут до начала концерта чеченского фольклорного ансамбля «Вайнах». Большинство зрителей, равно как и пострадавших, были выходцами из соседних

национальных республик. В августе в центре Пятигорска взорвалась машина. По счастливой случайности никто не погиб, но раненых было около тридцати человек. А в конце сентября в спальном районе Ставрополя милиция обнаружила начинённое взрывчаткой такси и неподалёку от него ещё одну бомбу. В совокупности — центнер адской смеси, которая, к счастью, отсырела из-за проливного дождя. Иначе, по мнению экспертов, последствия могли быть очень плачевными...

В прошлом году в Ставрополе кавказские парни и девушки несколько раз устраивали уличные танцы под громкие звуки из автомобильных динамиков. Такие «флешмобы» проходили и днём, и поздно вечером, чаще всего в спальнях районах. Несколько раз такое вроде бы безобидное веселье переросло в стычки с местными жителями, однажды даже

Иллюстрация: Дмитрий Горельшев

с применением травматических пистолетов. Когда гнев переполнил чашу терпения, «уличную лезгинку» признали проявлением хулиганства и нарушения общественного спокойствия, а её участников стали задерживать на 10–15 суток.

Представители коренных кавказских народов издавна считали Ставрополье хорошим местом для учёбы и бизнеса, отдыха и развлечений. Несмотря на то что в Нальчике и в Махачкале есть свои достаточно престижные вузы, студенты из северокавказских республик предпочитали учиться, а то и просто числиться, «покупая» оценки и дипломы, в университетах Ставрополя и Пятигорска. Здесь они чувствуют себя более свободно, чем под бдительным оком старших родственников. К тому же русские девушки раскованней и доступней, в отличие от соплеменниц. В конце ноября 2010 года в небольшом городке Зеленокумске несколько чеченцев пытались похитить русскую девушку, но она сумела вырваться и убежать. За неё пришли мстить участники казачьей добровольной дружины (такие имеются во многих районах Ставрополья). Зеленокумская стычка вызвала большой резонанс в регионе, к тому же один из главных подозреваемых в попытке сексуального домогательства оказался милиционером из Чечни.

После серии подобных событий в Ставрополье и в Пятигорск зачастили лидеры местных национальных диаспор и авторитетные аксакалы из соседних республик, включая главу Ингушетии Юнус-бека Баматгиреевича Евкурова. Они встречались со студентами и призывали своих юных земляков вести себя более прилично.

Все это дало повод для продвижения в общественном сознании идеи по отделению Ставрополья от СКФО. Кампания по сбору голосов за выход края из нового округа развернулась в октябре прошлого года в Интернете с подачи сообщества независимых блогеров, которым удалось собрать более десяти тысяч подписей. Власти назвали эту неудавшуюся, но тем не менее резонансную акцию провокационной.

Попыткой решения национальных проблем можно назвать сотрудничество власти с лидерами культурных автономий и диаспор. Например, в Ставрополе по инициативе мэра Николая Пальцева создан Городской этнический совет. Подобные совещательные органы формируются в последние годы и в других районах края. Однако пока ожидаемого эффекта их работа не приносит.

Представители оппозиции пытаются обратить внимание властей на недостатки национальной политики, но их предложения пока тоже не находят должного отклика.

— Ставрополье подверглось экспансии жителей соседних республик, — считает лидер

регионального отделения ЛДПР и вице-спикер Краевой думы Илья ДРОЗДОВ. — Сюда приходят люди с другой культурой и другим менталитетом. И они, на мой взгляд, устраивают откровенные провокации, чтобы раскатать ситуацию...

В крае и в СКФО нет внятной политики в области межнациональных отношений. Отсюда и рост ксенофобии. Накапливается взрывоопасная масса в кавказских республиках среди молодёжи. Она едет к нам со своим менталитетом, и это встречает противодействие. Напряжённость есть, и не обращать на неё внимания как минимум неадекватно.

— К сожалению, в крае почти не занимаются национальной политикой, — говорит депутат Краевой думы, председатель регионального отделения партии «Союз правых сил» (СПС) Борис БОЛЕНЕЦ. — На стенах в Ставрополе я постоянно вижу призывы к объединению славян, — скорее всего, националистические организации пытаются привлечь к себе людей. Градус настроения повышен и у русских, и у кавказских народов. Когда у нас возникают драки между представителями разных этносов, то официально говорят, что эти конфликты происходят на бытовой почве. Но люди попросту смеются над такими формулировками, понимая, что это не совсем бытовые конфликты.

Правда, после нескольких конфликтов в СКФО, а также после декабрьских массовых волнений в Москве и других городах страны, на проблему, наконец, решили взглянуть по-иному. «Надо ужесточить реакцию власти на преступность с этнической составляющей, иначе мы войдём в опасную спираль, и любая провокация может иметь бомбовый эффект», — заявил губернатор Ставрополья Валерий Гаевский на одном из недавних совещаний по безопасности у президента РФ Дмитрия Медведева. Кроме того, Гаевский предложил разработать комплекс мер по адаптации приезжих, будь то студенты или люди, меняющие постоянное место жительства. Причём свою лепту в их нормальную социализацию должны, по его мнению, вносить и диаспоры, и руководство тех субъектов, откуда люди выезжают.

Реальных шагов по воплощению этих далеко идущих планов ещё не видно. Но зато уверенно можно сказать, что с начала 2011 года на Ставрополье не замечено ни одного проявления так называемого «манифестного» поведения молодёжи. Вероятно, на потенциальных ксенофобов и хулиганов действовало то, что теперь они будут наказаны со всей строгостью не только за драки и насилие, но и за «вызывающее поведение». Быть может, это первые шаги к установлению порядка и спокойствия в регионе? Поживём — увидим. ▣

ПЕРЕД ШАГОМ В НЕБО

Елена Любимкина

Человеческий фактор

Самый необычный в плане безопасности аэропорт мне пришлось видеть в 2005 году в греческом Ираклионе. Казалось бы, не так давно были введены новые правила, запрещающие проносить жидкости на борт, газеты продолжали смаковать подробности лондонских и грозненских терактов, а я совершенно спокойно пронесла в ручной клади на борт собирающегося в Москву рейса «Трансаэро» маникюрный набор в полной комплектации — с двумя парами ножиц, пятью пилочками, острыми щипчиками для кутикулы и прочими женскими мелочами. Пронесла не из желания поставить эксперимент над бдительностью критских таможенников, а

потому что в предполетной суматохе забыла его в ручной клади. Внутренности сумочки просветили и отправили меня с ней на борт.

— Я поняла, почему этот аэропорт ещё ни разу не взрывали, — делилась я потом с друзьями. — Террористы считают связываться с такой бдительной службой безопасности ниже своего достоинства.

Прошло больше пяти лет. Но каждый раз, входя в раздвигающиеся стеклянные двери, за которыми расположены стойки с голубоватыми экранами, светящимися номерами рейсов, я почему-то вспоминаю не пристальное внимание к моему ноуту сотрудников Барахаса и не отнятую в Схипхолье закрытую бутылку газировки,

купленную в Шереметьево два часа назад, а тот крохотный маникюрный наборчик. Имел бы он значение, если бы сидевший рядом со мной в кресле человек задумал недоброе?

Кто охраняет московские аэропорты

Сотрудники службы безопасности московских аэропортов утверждают, что сделать взрывчатку можно прямо в воздухе из стеклянной бутылки газированной воды и пары конфет. И то и другое, если не раздаётся непосредственно на борту, можно купить в Duty Free. Так что на самом деле недостатка в подручных средствах для взрыва или наведения паники в самолёте нет.

По следам недавних событий, произошедших в аэропорту Домодедово, РИА «Новости» было организовано несколько пресс-конференций, посвящённых проблемам международного терроризма и безопасности. Выступающие на них спикеры, в число которых входили как иностранные, так и отечественные эксперты, независимо друг от друга сошлись в одном: перво-степенным в предотвращении трагедии является

не техническое оснащение или резкая активизация мер безопасности, а человеческий фактор.

В частности, французский криминолог и эксперт по вопросам авиационной безопасности Кристоф Ноден в рамках видеомоста, посвящённого вопросам безопасности в аэропортах, обратил внимание на прекрасное современное оборудование, которым оснащены московские аэропорты, отметив при этом некомпетентность работающего с этим оборудованием персонала. Проще говоря, неумение им пользоваться.

«Я считаю, что людей, работающих в этой профессии, нужно отбирать на конкурсной основе, точно так же, как это происходит в других сферах авиационной деятельности», — заметил эксперт, приводя в пример другие авиапрофессии, например стюардесс.

По словам самих работников служб безопасности московских аэропортов, на самом деле отбор проводится: в их ряды вряд ли попадут люди, имеющие судимости или проблемы с психикой. Но этого недостаточно.

Курс специалиста пред- и послеполётного контроля в аэропорту Шереметьево (работника

службы безопасности в той самой зоне, где произошёл последний взрыв) занимает две недели, за которые при желании можно овладеть теорией, но не практикой. Оказавшись же в самом зале, многие из новоиспечённых специалистов врезаются в собственный психологический барьер страха подойти к людям, кажущимся им подозрительными. Таким образом, имеет значение целенаправленная психологическая подготовка сотрудников, которая сейчас специально не проводится.

Кроме того, отсутствуют регулярные курсы повышения квалификации, как и какие-либо экстренные семинары, посвящённые недавним террористическим актам или предотвращению новых угроз.

Также важным упущением в образовании сотрудников безопасности, отмеченным французским экспертом, является незнание большинством их иностранных языков и, как следствие, неумение общаться с иноязычными пассажирами. Увы, знание языка действительно не является для работников службы безопасности обязательным. Впрочем, московские аэропорты не исключение: в испанском Лос-Родесе сотрудницу службы безопасности поверг в шок простой вопрос о туалете, заданный на английском. В моих глазах её извинило лишь то, что северный тенерифский аэропорт ориентирован на рейсы из ЕС, поэтому, по сравнению с южным, количество иноязычных пассажиров там меньше.

«Нужно вести контроль безопасности граждан на высшем уровне. Во-первых, подбирать людей, умеющих общаться с иностранцами, тем более что с каждым годом в России их становится всё больше и больше. Во-вторых, при приёме сотрудников на должности служб безопасности стоит ввести обязательный медицинский контроль, например, на предмет того, что сотрудник не страдает дальтонизмом, чтобы при необходимости правильно диагностировать содержимое багажа. В-третьих, ввести регулярное повышение квалификации, как и прочих признанных профессий. На сегодняшний день существует множество компаний, изготавливающих первоклассное оборудование для слежения, чья продукция постоянно развивается в связи с появляющимися угрозами, а регулярных курсов для его освоения нет».

Необходимость изменений

То есть, по мнению К. Нодена, в большей степени имеет значение не статус служащего (сотрудника) аэропорта, а признание его профессии — сотрудника службы безопасности. Отсутствие признания спикер объясняет небольшим сроком существования авиации (всего 100 лет), а также недавним появлением самой проблемы терроризма в воздухе — около 20 лет.

Тем не менее на этом проблема человеческого фактора не заканчивается, а плавно перетекает в другую: ограничение возможности действий сотрудников аэропортовой безопасности и их разобщённость. Например, специалист пред- и послеполётного контроля не имеет права производить задержание и обыск показавшегося подозрительным человека без сотрудников милиции. О наличии же оных в нужное время и в нужном месте можно судить по недавнему визиту президента на Киевский вокзал. Стоит ли говорить, что в случаях задержания террориста счёт идёт не на минуты, а на секунды.

Также немаловажное значение имеет и то, что аэропорт обычно обслуживают несколько разных служб безопасности, не имеющих прямой связи друг с другом. Проще говоря,

работающий в зале «до» стойки регистрации не может напрямую связаться с сотрудником или начальником смены в «чистой» зоне, чтобы того или иного пассажира проверили более тщательно, не говоря уж о том, чтобы обратиться напрямую к представителю авиакомпании. А когда «в товарищах согласия нет», неудивительно, что и дело на лад не идёт.

Говоря о службах аэропортовой безопасности во Франции, К. Ноден упомянул, что они являются негосударственными (частными), но находятся под фактическим контролем государства в лице национальной полиции Франции. Там основная проблема заключается в том, что при перевозке багажа в большей степени учитываются интересы инвесторов, а не соблюдение правил безопасности. То есть речь идёт о коммерческом интересе.

Экономическая составляющая

В парижских аэропортах, как и в большинстве других, нет пред- и послеполётного контроля пассажиров на входах и выходах в здание. Обусловлено это экономическими причинами: часть посетителей этой зоны являются лицами,

встречающими и провожающими граждан на рейсы. В ожидании нужного рейса они предпочтут выпить чашку кофе, нежели терять лишние полчаса у металлоискателей.

Кроме того, по мнению К. Нодена, такая мера не делает зону встречающих/провожающих более безопасной. В качестве примера эксперт привёл страны Африки, где на входах установлены металлоискатели, но более безопасными африканские аэропорты от этого не становятся.

Если же увеличивать время ожидания и очередь на входе, можно предположить, что следующая бомба взорвётся именно там, где большое скопление народа, то есть в очереди перед металлоискателем. В этом плане аэропорты Европы и России оказываются в равной степени незащищёнными.

Стоимость безопасности пассажира во Франции — 720 млн евро на 100 млн пассажиров в год. Французский Руаси принимает около 7 млн пассажиров в год. Спикер считает, что увеличение количества пассажиров в связи с проведением «Сочи-2014» послужит повышению уровня аэропортовой безопасности в России, и важно не принимать тех мер, которые в данном случае скажутся на комфорте пассажира, но не усилят безопасность.

Собственно, именно это нам приходится наблюдать в израильских аэропортах. Ни на какие рейсы, кроме как на летящие в Израиль или из него, не приходится приезжать настолько заранее. Ни перед одним рейсом вас не спросят — в обязательном порядке, а не в виде исключения, — есть ли с собой оружие или наркотики, все ли вещи в вашем багаже принадлежат вам и передавал ли кто-нибудь что-нибудь вам на территорию страны. Кроме того, ни в одном другом аэропорте мира вы не подвергнетесь риску лишиться багажа путем его уничтожения, если, задержавшись на паспортном контроле, не успеете вовремя забрать его с ленты.

Вместе с тем, по мнению небезызвестного путешественника, отмеченного в 2010 году журналом Forbes, израильтянина Александра Лапшина, вся эта суперсистема основана не столько на реальной заботе о безопасности граждан, сколько на желании пустить пыль в глаза. В качестве примера в своём блоге он приводит ту же самую некомпетентность сотрудников паспортного контроля и отсутствие реальной возможности пройти биометрический контроль в предназначенных для этого автоматах. Впрочем, по моему мнению, если весь этот спектакль отпугнёт хотя бы одного потенциального террориста, значит он играет не зря.

Тенерифе

Шарм-эль-Шейх

Лишние меры

К «излишним» К. Ноден относит как раз не введение биометрии, а другие, уже действующие меры безопасности. Например, ограничение провоза жидкостей или вынуждение пассажиров раздеваться перед сканерами.

Сейчас сканеров существует три типа: с помощью первого видно всё, что надето на человеке и что не является частью его тела, он используется для поиска на теле оружия или взрывчатки; рентгеновские лучи, проникающие внутрь тела и позволяющие найти предмет, скрытый в теле; сканер (кстати, созданный белорусской компанией), позволяющий полностью проникать внутрь человеческого тела. Ни один из этих аппаратов не является опасным для здоровья.

Однако, по мнению сотрудников службы аэропортовой безопасности, есть предметы, где сканеры бессильны. К ним могут относиться перевозимые в ручной клади предметы, способные надёжно скрыть взрывчатку, маскирующиеся под одеколон взрывчатые вещества, батарейки и настроенная на определённую частоту радиоаппаратура. Соответственно, здесь выявить потенциального преступника может только профессионализм сотрудника службы безопасности, догадавшегося проверить, нет ли чего ещё в провозимой ёмкости.

«Эффективность безопасности не зависит от насаивания одних мер на другие, скорее напротив, из-за нагромождения одни меры закрывают другие», — подчеркнул К. Ноден. Достаточно компетентных сотрудников и технологий, которые способны обеспечить безопасность транспорта. По мнению спикера, одной

из самых адекватных мер является контроль личности людей, работающих в аэропортах, и людей, его посещающих, с помощью биометрии. То есть мы упираемся в тот же самый пресловутый человеческий фактор.

Поэтому спикер считает, что, как только во всех мировых аэропортах перейдут на биометрию, риск терактов будет значительно снижен и даже позволит облегчить процедуру паспортного и таможенного контроля. В частности, одной из причин отказа летать самолётами в пользу, например, железнодорожного транспорта К. Ноден назвал как раз превышенные меры безопасности.

Но здесь, пожалуй, стоит упомянуть, что железнодорожное сообщение в Европе развито не в пример российскому. Во-первых, оно значительно дешевле. Так, оплатив билет заранее по Интернету, можно уехать из Валенсии в Мадрид меньше, чем за 20 евро, при этом места в вагоне будут отнюдь не деревянными, а пассажирам будут предложены наушники и телевизор. Стоит ли говорить о том, что при самом лучшем раскладе билет на самолёт по тому же маршруту обойдётся дороже. Во-вторых, большинство железнодорожных вокзалов, в отличие от аэропортов, расположены в центрах городов. И, в-третьих, скоростные европейские поезда не намного отстают от самолётов. Например, если воспользоваться TGV, время путешествия из Парижа в Брюссель займёт около полутора часов.

Кто опасен

«Опасность представляют не предметы, а люди, — подчеркнул К. Ноден, говоря о запрете на провоз жидкостей свыше 100 мл в ручной клади. — Поэтому и контролировать нужно не предметы, а людей. Мы сегодня оказались в такой ситуации, что у террориста можно забрать опасный предмет, и он может сесть в самолёт. Важно, чтобы он не мог в него сесть». Также спикер рассказал, что был разработан принцип, по которому человек, прогуливающийся в предполётной зоне или пришедший на паспортный контроль, отвечает более чем двум признакам из пятнадцати, он достоин более пристального наблюдения. Также важное значение имеет контроль со стороны самих граждан, которые могут заметить что-то подозрительное.

Здесь мне бы хотелось привести слова другого эксперта, координатора Европейского

Союза по борьбе с терроризмом Жиля де Керкова, выступавшего на другой пресс-конференции, организованной РИАН и посвящённой европейскому опыту борьбы с террористической угрозой. Отвечая на заданный в рамках видеомоста вопрос, эксперт сказал, что очень важно обращать внимание на тех, кто входит в здание аэропорта. Время, когда террористами могли оказаться только приверженцы «Аль-Каиды», прошло. Сейчас это могут быть и вполне благополучные на вид европейцы, и «местечковые» террористы, которые считаются самыми трудноуловимыми, потому что возникают и действуют строго обособленно, без связи с крупными организациями, в то время как большую роль в обезвреживании сейчас играют именно службы разведки. Сколько бы на террористов ни вешали никабы, у них нет определённых ярко выраженных черт. Террористом может оказаться и бельгийская женщина, без ведомых причин поехавшая в Ирак и там подорвавшая себя рядом с американским патрулем, как это сделала Мюриэль Дегак, и разлившийся на датскую газету беженец, решивший, что оскорбление карикатурами пророка Магомета смывается только кровью.

Сотрудники московских аэропортов определяют потенциальных террористов «на глаз», стараясь не выделять среди них конкретные национальности или же особенности вероисповедания. Особого внимания заслуживают люди, очень аккуратно несущие свой багаж либодвигающиеся так, словно боятся лишний раз сделать резкое движение. Также особого внимания удостоиваются те, кто начинает скандалить без видимой причины.

Впрочем, опасными могут оказаться не только те, кто ведёт себя необычно. Пакетик с наркотиками или спичечный коробок со взрывчатым веществом вполне могут подбросить ничего не ведающему человеку, если он неосторожно повесил куртку на дверь в туалете. Рассказывают про случай, когда ничего не подозревающая пассажирка уже в самолёте случайно просыпала в сумку кофе, где он смешался с маленькой дозой марганцовки, которую женщина всегда возила с собой как лекарство. О том, что произошедшее дальше могло вполне сойти за средних размеров теракт, эксперты предпочитают умалчивать.

В этих же комментариях я нашла и разгадку своего критского приключения с маникюрным наборчиком: на него не обратили внимания просто потому, что я сама про него забыла.

Совет

В аэропортах следует избегать большого скопления народа и человеческих пробок.

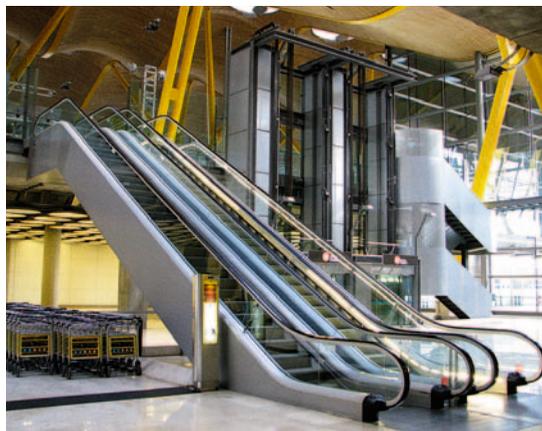
По возможности оказывать содействие сотрудникам службы безопасности.

Если вы оказались в числе заложников, прежде всего постарайтесь не поддаваться панике. Психологически верным ходом будет не начинать скандал с террористом, а выразить свою с ним солидарность, попытавшись расположить к себе, и тем самым показать, что вы для него безопасны. Таким образом можно выиграть время и помочь избежать ненужных жертв.

Если взрыв всё-таки произошёл, важно удалиться от эпицентра. Лучше всего — на улицу.

По словам К. Нодена, после первого аэропортового теракта, который произошёл во Франции (аэропорт Орли), никаких крупных мер, усиливающих безопасность, предпринято не было, так как руководство аэропорта считало, что более эффективным будет продолжать полёты на самолётах, нежели понаставить толпу полицейских у входа и вводить двойной контроль за пассажирами. Это объясняется тем, что количество летающих пассажиров в год — более 2 млрд, а попыток терактов — не более 10, в которых менее 100 человек погибших. То есть в данном случае имеет значение соотношение реально пострадавших и пассажиров, которым придётся из-за дополнительных мер безопасности терпеть неудобства. Недаром самолёт всё ещё считается самым безопасным видом транспорта, особенно в сравнении с автодорожным.

Но закончить этот текст хочется словами всё того же французского эксперта: «Аэропорты — это имидж страны, это первое, что вы видите по прилёту. Аэропорты должны быть безупречны». ▣

Барахас

Фото: PhotoXPRESS

ДЕВОЧКИ СО СПИЧКАМИ

Вероника Батхан

У войны не женское лицо. Испокон веков сражаться с врагами, охранять свою землю и мстить захватчикам выходили мужчины. Их священным долгом была защита будущего своего народа — детей и женщин. Для восточных народов это было на порядок актуальнее, чем для европейцев, — если «белые леди», случалось, и держали осаду крепостей, и правили пиратскими кораблями, и ходили в Крестовые походы, и даже примеряли адмиральский мундир, то дочери арабов со времён пророка Мухаммеда сидели дома и воспитывали детей. Так требовали Коран, закон Шариата и вековые обычаи: место женщины — у домашнего очага, дело женщины — покоряться супругу. XX век внёс свои

коррективы. С появлением скорострельного оружия и мощной взрывчатки мусульманка стала полноценной боевой единицей, способной заметить в строю отца или брата и если не сражаться, то, по крайней мере, погибнуть вместо него.

Первой известной арабской террористкой стала уроженка Хайфы Лейла Халед. В августе 1969 года она принимала участие в захвате рейса «Рим — Афины» с израильянами на борту. Спустя четыре года попробовала угнать ещё один самолёт — неудачно. Попала в плен, была обменена на заложников, вернулась в Иорданию и — уникальный для женщин её «профессии» случай — вышла замуж, родила двоих детей и до сих пор живёт мирно и счастливо.

Первой террористкой-смертницей (и самой молодой из них) оказалась 16-летняя ливанка Хайадали Сана — 9 апреля 1985 года она направила грузовик на израильский конвой и убила двух человек.

«...Я мученик Сана Хайадали. Мне 16 лет. Я с оккупированного юга Ливана... Я приняла решение во имя правды, чтобы освободить наши земли и наш народ, потому что я вижу трагедию народа в условиях оккупации, угнетения и несправедливости: каждый день убивают детей, женщин и стариков, разрушают дома. Поэтому я решилась на данный шаг. Я очень рада тому, что это буду я...»

Первой из женщин примерила пояс шахида палестинка Вафа Идрис, 26 лет. 10 кг пластика, сто раненых, один убитый, январь 2002-го, Иерусалим. В России 9 июня 2000 года счёт смертниц открыла Хава Бараева, племянница террориста Арби Бараева и родственница организатора теракта на Дубровке Мовсара Бараева — 22 года. «Бомбы в чадрах» моментально взяли на вооружение ФАТХ, «Хамас», Курдская рабочая партия, «Тигры освобождения Тамил-Илама» и «Бригады мучеников Аль-Аксы». В борьбе с американскими войсками смертниц охотно используют в Афганистане и Ираке... «Аль-Каида» много лет отказывалась от женской помощи из принципиальных соображений, но к 2008 году Бен Ладен оценил эффективность нового вида оружия для борьбы с гяурами.

В России с 2000 года женщины-смертницы совершили 18 терактов — сами или с помощью мужчин. Среди их «подвигов» — взрывы в метро («Автозаводская», «Лубянка», «Парк Культуры»), на рок-фестивале «Крылья», в самолётах, на мусульманском празднике,

захват театра и школы. В Израиле только за время интифады — 8 успешных терактов, плюс несколько десятков террористок обезвредили до совершения терактов, некоторых уже с поясами на теле и взрывчаткой в сумочках. В Ираке — 14 терактов. А вот процентное соотношение разное: в Палестине, Ливане и Ираке женщины участвуют в 2—5% терактов, у тамиллов — в 20%, в России — более чем в 30%.

Дороги, ведущие в рай

Преимущества «бомбы в чадре» очевидны. В первую очередь это возможность сэкономить обученного бойца-мужчину, истратив вместо него «менее ценную» женскую жизнь. Затем эффективность — на одну смертницу приходится в среднем 21 погибший, а на смертника-мужчину — 13. Шанс без лишних сложностей пробраться туда, где у мужчины тут же начнут проверять документы, а женщину пропустят без рассуждений. Удобство маскировки — в мешковатой одежде или под имитацией беременного живота легче спрятать взрывчатку. Преданность — женщины легче поддаются влиянию и контролю руководителей, без обсуждений выполняют приказы. И, наконец, это прекрасный пример для подрастающего поколения — молодая и красивая героиня, отдавшая жизнь за народ, устыдит «за трусость» мужчин, воодушевит женщин и привлечёт новых сторонников, а на милом личике можно сделать прекрасную PR-кампанию. Портретами Вафы Идрис до сих пор украшают улицы городов Палестинской автономии.

Социальный и психологический портрет потенциальной смертницы составить относительно просто. Ей 16—22 года, реже до 30, совсем редко — между 30 и 40 годами. С высокой вероятностью она из бедной, неблагополучной семьи — редкие примеры обеспеченных и образованных девушек только подтверждают правило. Если она замужем или в гражданском браке, её муж или сожитель принадлежит к террористической группировке. Если не замужем, то, скорее всего, не имеет шансов на успешное замужество — овдовела, разведена, бесплодна, тяжело больна, обесчещена или опозорена. Возможна беременность нежеланным ребёнком — аборты для мусульманок запрещены. Детей, как правило, нет, а если есть — нет возможности нормально растить их и воспитывать. Кто-то из родственников (или жених) погиб от рук «неверных». Сама смертница впечатлительна, религиозна, подвержена влиянию извне, стала жертвой войны, пережила психологическое или сексуальное насилие.

Для некоторых палестинок попытка теракта является спасением — если девушка сошлась с парнем и забеременела до брака, её убивают ради «чести семьи». А набросившись с ножом на израильского солдата, она получает несколько безопасных лет в тюремной камере, возможность родить и отдать на воспитание ребёнка и статус героини интифады, который сохранит ей жизнь по окончании заключения. Другие идут на теракт, дабы восстановить доброе имя семьи, в которой отец или кто-то из родственников является «предателем» или подозревается в коллаборационизме. У некоторых женщин нет иного пути — вступивших во внебрачную связь женщин по законам Шариата ждёт смерть, изнасилованные навлекают позор на семью. Остаётся лишь выбрать: умереть и отправиться в ад или умереть и отправиться в рай, стать прекрасной царицей гурий, получив заодно право заступиться за 70 своих родственников. Изредка на первый план выходят деньги — семьи смертниц получают материальную поддержку. Месть — кровная, за своих погибших, за детей и женщин, за свою страну — тоже довольно распространённый мотив. И наконец, для образованных женщин, пассионарных, сильных натур это единственная возможность полноценной самореализации вне брака и семьи. «Палестинская женщина может стать равной мужчине только после смерти...» — террористка Убейда Халиль, 27 лет.

Потенциальных «бомб» жадно выслеживают агенты террористических организаций. Мало, чтобы девушка была верующей и горела желанием совершить подвиг «ради Аллаха». Она не должна представлять особой ценности как невеста, иначе семья возмутится, что у неё отнимают хороший источник щедрого калыма. У неё не должно быть влиятельных родственников или сильного тейпа, которые в отместку за несанкционированную гибель любимого чада объявят кровную месть самим «учителям». Или сами убьют потенциальную смертницу во избежание проблем — в Израиле, например, до сих пор существует практика снесения домов террористов. Она должна быть достаточно религиозной, чтобы отправиться в рай ради Аллаха, достаточно покорной, чтобы пройти процесс обучения и не взбунтоваться в решающий момент, и при этом достаточно решительной и смелой, чтобы не испугаться смерти.

Кандидаток начинают обрабатывать. На Кавказе подходящую «бомбу» могут похитить, силой забрать у родителей или выкупить сироту у родственников. Но, как правило, всё начинается с уговоров. Будущей смертнице начинают описывать все прелести битвы с «неверными» и ожидающее её райское блаженство. Её улещивают, говорят громкие слова о мести за погибших братьев, жалеют её, окружают вниманием и сочувствием — примерно так же, как «Белые братья» и другие сектанты заманивают людей в свои сети. Как только жертва попала на крючок, начинается обработка. В дальних сёлах, на конспиративных квартирах, в специальных лагерях боевиков будущих смертниц учат обращаться с оружием, водить машины, незаметно крепить и носить на теле пояс шахида. В свободное время они стряпают и стирают для мужчин-боевиков, читают Коран и послания религиозных лидеров, много молятся и мало спят. Отдельный дестабилизирующий фактор — они постоянно находятся наедине с чужими мужчинами, что для мусульманки такой же нонсенс, как для москвички — ходить на работу голой. Некоторые группировки практикуют наркотики для введения девушек в экстатический транс. Некоторые приветствуют интимную связь наставников и их подопечных. Итоговый результат — бойцы, по образу мыслей схожие с ассасинами Старца Горы, с травмированной психикой и неадекватными поведенческими реакциями. Это особенно заметно, если рассмотреть поведение женщин-смертниц в терактах на Дубровке и в Беслане. Для мусульманской женщины характерно чадолубие, трепетное

и нежное отношение к малышам. Две бесланские террористки и двадцать с лишним норд-остовских, по отзывам очевидцев, безразлично относились к слезам и мукам детей.

По завершении подготовки смертницу либо сразу отправляют «на дело», либо на какое-то время возвращают в родительский дом. Причём родители и соседи могут и не догадываться, что задумало их дитя. Мариам Магомедову все знали как хорошую учительницу младших классов, верующую женщину и покорную дочь. Фатима и Хаджид Ганиевы сказали родителям, что едут навестить племянника в Дагестане, — и нашлись спустя месяц на Дубровке. Отец палестинки Зейнаб Абу Салем, узнав, что его любимая дочь — террористка с перекрёстка Гиват Царфатит, слег с инфарктом — он ни о чём не подозревал. К месту теракта чеченских женщин обычно доставляют мужчины-наставники, они же поддерживают связь с террористками и контролируют процесс. Палестинки, что удивительно, чаще действуют самостоятельно, обставляя теракт как персональное торжественное

самоубийство. Они же чаще отказываются от совершения терактов, попадают в руки полиции и сдаются властям — как уже было написано выше, израильтяне гуманно относятся к «живым бомбам». И наконец, палестинскую террористку ждёт посмертная громкая слава, родственники и соседи приходят к ней в дом поздравить родителей с героической дочерью.

Всё возвышающий обман

Если посмотреть на проблему изнутри, глазами девушки, всё окажется ещё интереснее. Можно даже сказать, что феномен «чёрных вдов» (к слову, в Чечне «джеро» — вдовой — называют любую женщину, взявшуюся за оружие) порождён сперва советской эмансипацией, а затем резким ограничением возможностей для женщины. Матери этих «вдов» получали образование и профессию, могли при желании переселиться в любой город СССР и избрать себе иной образ жизни. Этим девушкам остаётся только мечтать и надеяться, что жених окажется грамотен и не слишком тяжёл на руку,

его доходов хватит, чтобы прокормить семью, а его самого не убьют солдаты той или иной стороны. Они живут в стране, где только-только кончилась война, в окружении людей, страдающих посттравматическим синдромом, имеющих все основания опасаться за своё настоящее и будущее, переживших трагедии и смерть близких. Изменить что-то в реальности, помочь семье они не в состоянии — получать образование и искать хорошую работу для женщин становится зазорно. Остаётся надеяться только на бога, Аллаха, милостивого и милосердного. И вот тут-то начинается самое интересное... Ваххабиты обманывают этих девочек — сознательно или по невежеству.

Что касается того, что некоторые люди совершают акты самоубийства, привязывая к себе взрывчатые вещества, и затем, приближаясь к неверующим, взрываются среди них, то это явное самоубийство. И мы ищем убежища у Аллаха от него. Кто бы ни совершил самоубийство, рассматривается (Шариатом) вечно пребывающим в огне, как это упоминается в хадисе Пророка (мир ему): «И кто бы ни убил себя железным оружием, тогда железное оружие останется в его руке, и он непрерывно будет наносить им удары себе в живот в огне ада, вечно» (передали Аль-Бухари, ¹ 5778 и Муслим, ¹ 109, в Книге Имана). Поскольку этот человек убил себя и не принёс пользу исламу. Если он убивает себя вместе с десятью, сотней или двумя сотнями других людей, тогда ислам не извлечёт пользу от этого, так как люди не примут ислам, как в истории мальчика. Напротив, это, скорее, только сделает врага более решительным, и это действие вызовет преступное намерение и горечь в его сердце до такой степени, что он будет стремиться нанести урон мусульманам.

Шейх ибн 'Усаймин, комментарии к «Рийаду-с-Салихин»

Имамы возмущаются всякий раз, когда террористов называют шахидами. По Корану шахид — это мученик за веру, человек, погибший геройской смертью в борьбе с врагами ислама. Женщина может стать шахидкой либо оказавшись замучена за свои убеждения (как Умми Варака), либо скончавшись от родов. По Корану же самоубийство считается одним из страшных грехов, а во время войны солдатам Пророка следовало щадить священников, стариков, женщин, детей и плодовые

деревья. И наконец, «для каждого мусульманина являются запретными кровь, честь и имущество другого мусульманина» (пророк Мухаммад). Совет муфтиев России принял фетвы «О недопустимости ложного толкования Корана и использования символов ислама для экстремистской деятельности» и «О недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Священного Корана и Сунны». Если у палестинских «бомб в чадре» есть хотя бы формальное оправдание — они убивали сионистов-захватчиков, — то смертницы, которые взрывали рынки и свадьбы в Чечне и Дагестане, садились за руль грузовиков и несли взрывчатку в метро, напрямую нарушили заповеди своей религии, но, скорее всего, не подозревали об этом.

Доктор Георгий Кантор, British Academy Post-Doctoral Fellow in Classics New College, University of Oxford:

«Отношение исламского богословия к террористам-смертникам довольно противоречивое. Исламскими организациями в России, странах Запада и исламских странах со светским правительством выгодно представлять богословов, оправдывающих атаки смертников маргинальным для ислама явлением, но реальность несколько сложнее. Взгляд этот действительно не господствующий, но некоторые из наиболее авторитетных в мире исламских богословов, например, шейх Юсуф аль-Карадави, получивший многомиллионную аудиторию благодаря каналу «Аль-Джазира», или недавно умерший великий аятолла Мухаммед Хуссейн Фадлалла, вполне недвусмысленно утверждают, что при определённых обстоятельствах атаки террористов-смертников могут быть оправданы. И их следует считать мучениками за веру, а не самоубийцами. Это не значит, что они оправдывают такие атаки во всех случаях (к примеру, аль-Карадави осудил нападение на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года и даже призывал мусульман сдавать кровь в помощь нью-йоркцам), но в войне с Израилем эти богословы оправдывают даже нападения на гражданских лиц, и не нужно объяснять, как опасно вступать на этот путь в отношении хотя бы одной страны. Стоит отметить, что подобные выступления звучат из уст религиозных деятелей, которые в других отношениях достаточно умеренны

и даже либеральны, а вовсе не фундаменталистов, зовущих к возрождению Халифата. Например, Фадлалла осуждал женское обрезание и «убийства чести» и издал фатву, разрешающую женщинам защищаться от насилия любыми способами. Позиция далеко не универсальная для исламских богословов и законовеедов. А аль-Карадави известен борьбой за права христианских меньшинств в исламских странах и диалог с христианами. К тому же в исламе достаточно трудно сказать, что является «официальной позицией» по определённому вопросу. Авторитет богослова личный, а не дарованный ему некоей инстанцией, и то, что организация, аккредитованная при российском, английском или египетском правительстве, не сходится с ним во мнении, совсем не так важно, как если бы патриарх Кирилл осудил взгляды богослова православного».

Девушек из сел и окраин разрушенных городов никто не отправляет в Исламский университет, немногие из них в состоянии дать самостоятельное толкование сурам Корана, среди которых есть и аяты, призывающие к миру, и строки, поднимающие на борьбу с «неверными». Девушки ищут выход из окружающей безнадеги и в силу специфики возраста — большинство «вдов» юные девушки, почти подростки, — подключают подростковую романтику и эстетизацию смерти. В глубине души они, как все дети, до последней минуты не верят, что умрут, мечтая, что жизнь их продлится на небесах, где их — героинь джихада — встретят друзья и любимые, сбудутся все их мечты и разрешатся невыносимые проблемы. Они грезят о смерти, как мечтала красиво умереть эсерка Мария Спиридонова и улыбалась перед казнью Шарлотта Корде. Эти-то сладкие грёзы вкупе с абсолютной убеждёностью в божественной правоте своего подвига и побуждают их надевать на животы пояса со взрывчаткой и отправляться в бой. В этом и есть феномен «чёрных вдов», страшная простота — девочки со спичками, пытающиеся согреться в пламени взрывов. И взрослые мужчины, родичи, мужья, братья по крови и вере, бросающие их в огонь. И тысячи ни в чём не повинных жертв, гибнущих ради чужих политических амбиций. И национальная рознь и взаимная ненависть, которую, как цемент, слой за слоем скрепляет каждый раз пролитая кровь. И райские врата, навсегда закрытые для убийц и самоубийц, закрытые их же собственными руками... ▣

ВЗРЫВ ЦЕНОЙ В ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ

Екатерина Бондаренко

Человека всегда пугает то, против чего он беззащитен. И неважно, в чём состоит угроза: в стихийном бедствии или в действиях других людей. Попадая в критическую ситуацию, люди реагируют на неё по-разному: кто-то впадает в ступор и не может заставить себя сдвинуться с места, у кого-то из-за выброса адреналина, наоборот, включается своего рода ускоритель, и человек совершает такие поступки, на которые в повседневной жизни был не способен.

К подобным ситуациям, которые обычному человеку невозможно ни предугадать, ни предупредить, относятся и террористические акты. Самые разрушительные — те, что совершаются смертниками. Опубликовано огромное количество материалов, посвящённых тому, как ведут себя свидетели террористических актов непосредственно после взрыва. Много сказано и написано об их героизме и ответственности. Их поведение в большинстве случаев вызывает уважение, ведь каждый из нас хотя бы раз в жизни задавал себе вопрос: а смог бы я так же собраться и помочь людям? Или бы убежал в панике с места происшествия? К сожалению, не все могут похвастаться однозначностью ответа.

Возникновение у нас подобных вопросов легко объяснимо: ежедневно сталкиваясь с окружающей реальностью, наблюдая, какие события в ней происходят, мы на подсознательном уровне понимаем, что когда-нибудь можем оказаться не сторонним наблюдателем катастрофы, а её очевидцем. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), после взрывов в московском метро весной 2010 года стать жертвой терактов боялись 82% жителей страны, а верили в то, что власть способна защитить жителей от взрывов, всего 36% россиян.

И вот тут наступает интересный момент: по данным Исследовательского центра социальной психологии при Французском

психологическом обществе, мало кто из людей при мысли о террористическом акте ставит себя на место исполнителя. Думая об этом, мы представляем себя исключительно жертвой происходящего. Это связано не столько с тем, что мысль об убийстве людей кажется нам ужасной, сколько с нашим восприятием личности смертника как таковой. Согласно исследованиям учёных центра, занимающихся изучением психики людей, пострадавших в террористических актах, лишь три человека из ста воспринимают смертника как реального человека, совершившего свой страшный поступок, имея определённую цель. Остальные же 97 человек, как правило, делятся на две приблизительно одинаковые по величине группы. Одни считают, что террориста, причинившего им физическую боль, нельзя отнести к разряду людей как таковых. Он представляется им безмозглым животным, целью которого было убийство ради убийства. Другой группе смертники представляются психами — чаще всего шизофрениками, — которые не отдадут себе отчёта в своих действиях, так как живут в собственном вымышленном мире. Из этой статистики напрашивается простой вывод: только 3% людей, напрямую столкнувшихся с террористами, склонны к тому, чтобы понять причину действий тех, кто нанёс им урон. А это значит, что только они готовы искать пути решения проблемы терроризма.

Если верить древним полководцам, то для того, чтобы победить врага, нужно сначала понять, с кем имеешь дело, то есть собрать максимальное количество информации о противнике.

Согласно данным многочисленных психологических опросов, в представлении обычных россиян смертник — это мужчина или женщина неопределённого возраста, не имеющий образования, безработный и одинокий. Классический образ человека, которому нечего терять. Нам трудно поверить в то, что человек, которого что-то удерживает в жизни, может пойти на такое

страшное преступление, способное оборвать его существование.

Что же движет современными террористами, которые лишают жизни десятки людей? Ради чего они готовы принести себя в жертву?

С момента начала Первой чеченской войны, или, как принято называть, восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике, прошло 17 лет. За время войны, по данным федеральной стороны, потери боевиков составили 17391 человек. За время Второй, по этим же данным, в Республике было уничтожено 13517 чеченских военных. За период обеих кампаний потери среди мирных жителей Республики, по различным данным, составили от 65000 до 75000 человек.

Террористы конца 90-х годов существенно отличались от тех, кто совершает теракты сегодня. Первые боролись за свою идею, отдавая жизни, оставались по сути своей советскими людьми, воспитанными в уважении к идеологии и власти. Те же, кто становится террористами сегодня, — это юноши и девушки, рождённые в лихие 90-е, которые на Кавказе ознакомились не только «беспределом», но и военными действиями. Для многих из них Россия не родина, а враг, зачастую виновный в смерти родных и близких.

— *Террористы — это люди, всегда фанатично приверженные какой-то идее, не всегда связанной с религией. Под фанатизмом мы понимаем нечто такое, что «перешагивает» здравый смысл и инстинкт самосохранения. Женщины редко готовы умереть за идею, и это не особо принято. Но они чаще, чем мужчины, готовы отдать жизнь за собственные ценности, например, спасение собственных детей или отпущение за смерть супруга,* — рассказывает Ирина Гаврилова, психолог, социолог, научный руководитель центра «Программы сильного мышления».

Ошибочно полагать, будто жертвуют собственной жизнью только одинокие и потерявшие надежду на лучшее будущее люди. На первый взгляд может показаться странным, но смертниками чаще всего становятся образованные молодые люди — представители состоятельных родов, занимающих, по местным меркам, высокие ступени в обществе. Например, смертница Умалата Магомедова, по кличке Альбара, совершившая взрыв на станции метро «Парк Культуры» весной 2010 года, была вдовой лидера бандформирований Республики Дагестан. Ирина Гаврилова объясняет эту странность так:

— *Эти люди многого хотят от жизни, но это не активный поиск, а пассивное ожидание. Они ждут, что их что-то или кто-то зажжёт. Если в этот момент в их жизни появляется лидер, специальность которого заключается в «натаскивании» людей на исполнение идеи, то ему не составит особого труда убедить ждущего знака свыше человека в том, что его предназначение заключается именно в самопожертвовании.*

Если говорить о религиозном аспекте деятельности террористов, то необходимо помнить о том, что исламская культура с детства воспитывает человека в полном и безоговорочном подчинении обрядам. Это очень удобно: если смертник будет уверен, что он совершает не массовое убийство, а обряд очищения, а собственную смерть будет воспринимать не как конец жизни, а как переход в лучший мир, ему будет гораздо легче активировать взрывное устройство.

— *Смертника отговорить от задуманного уже практически невозможно. Добровольно расстаться с жизнью — это для любого человека поступок очень серьёзный, требующий жёсткой мотивации. К моменту наступления дня предполагаемого теракта смертник уже заваливает себя массой аргументов в пользу самопожертвования, которые «замешаны» на его основных жизненных ценностях. Основная задача — не оставить лазейки для сомнений в правильности принятого решения,* — утверждает Гаврилова.

По словам психолога, единственная ситуация, в которой можно достигнуть некоего консенсуса с террористами, — это переговоры при захвате заложников. Захватывая других людей, смертники чаще всего борются не за идею как таковую, а за достижение определённой цели, которая является лишь частью общей идеи. В этом случае, если их фанатизм окажется слабее доводов противоположной стороны, есть шанс прийти к компромиссу.

Смертником может стать далеко не каждый человек — для этого нужен особый склад характера и верность всё той же идее. Всё зависит от того, в какой среде человек вырос, какой мир он сам создаёт вокруг себя и кем в нём себя видит. Чем активнее жизненная позиция человека, чем сознательнее он строит свою жизнь, тем выше для него ценность его собственной жизни, а значит и выше вероятность её сохранить. ▣

Пострадали — получили

1999

Теракт в подземном переходе на станции метро «Пушкинская» 8 августа 2000 г.

Также Лужков компенсировал расходы на погребение погибших из расчёта 9498 рублей на человека.

Взрыв жилых домов на ул. Гурьянова и на Каширском ш. в Москве 8 и 13 сентября 1999 г.

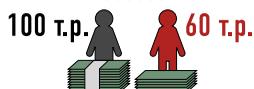
Выиграть иск против властей удалось только Людмиле Кнutowой. В 2005 г. суд обязал департамент финансов правительства Москвы возместить 201 414 рублей — именно в эту сумму ей обошлись погребальные услуги. У Кнutowой в результате теракта погибли муж и сын.

2000

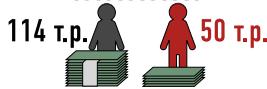
2001

2002

Захват театрального центра на Дубровке, 23–26 сентября 2002 г.

Теракт на рок-фестивале «Крылья» 5 июля 2003 г.

Теракт на борту самолётов Ту-154 и Ту-134 24 августа 2004 г.

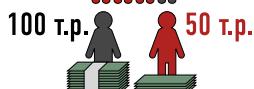

Компенсации: 100 т. р. за каждого члена экипажа и по 12 т. р. — за пассажира.

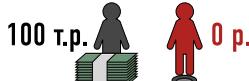
2003

2004

Теракт у станции метро «Рижская» 31 августа 2004 г.

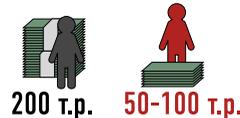
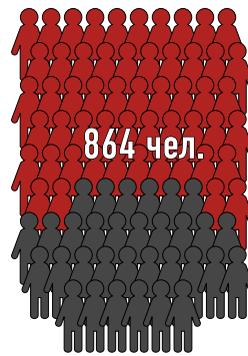

Теракт на станции «Автозаводская» 6 февраля 2004 г.

Раненым предложили взыскать деньги с террористов, которых в итоге поймали и судили, но найти у них 6 млн рублей власти не смогли.

Захват школы в Беслане 1 сентября 2004 г.

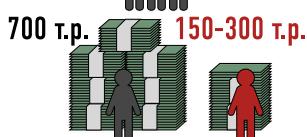

2005

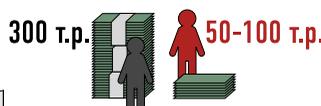
2006

2007

Подрыв поезда «Невский экспресс» 27 ноября 2009 г.

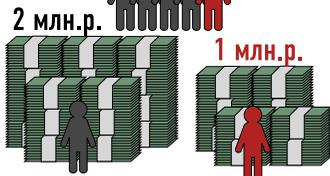
Теракт на станции метро «Лубянка» и «Парк Культуры» 29 марта 2010 г.

2008

2009

Теракт в аэропорту Домодедово 24 января 2011 г.

2010

2011

погибшие, 10 человек

компенсация за одного погибшего

раненые, 10 человек

компенсация за одного раненого

100 тысяч рублей

10 тысяч рублей

М а л ь к и й р е с п е к т м и р о з д а н и ю

Евгений Крузенштерн

У господа нашего бога великолепное чувство юмора. Иначе я и объяснить не могу случившееся на днях в районе улицы Крупской, где вот уже год идут прения относительно национального вопроса.

Поскольку Петербург очень культурный город, то прения проходят в эпистолярном жанре, то есть на заборе. Не всегда только на заборе – некоторым удобнее развивать мысль на стене. В общем, исписали нам и стены, и забор.

Надо сказать, я жил в гораздо менее культурных столицах и нигде не видел, чтобы так любили писать на зданиях. Первое, что мне бросилось в глаза по приезду в Петербург, – огромные буквы жуткой коричневой краской на одном из исторических памятников: «Я люблю Питер!». Круче было бы только «Вандализму — нет!». Прямо по свежыкрашенному фасаду.

Я с тех пор заворожённо рассматриваю всякую современную наскальную живопись, которой в городе Петербурге неприлично много.

Однако же вернёмся к случившемуся на улице Крупской. Улица эта пролегает в районе, где в силу разных причин проживают граждане разных национальностей. По их состоянию я уже давно оцениваю

положение в стране. К примеру, местные наши дворники южных кровей года четыре назад передвигались по периметру с самодельной коляской, в которой возили мётлы. Баррель нефти дорожал, и скоро поддельная коляска была заменена на настоящую, вполне ещё пригодную, чтобы возить какого-нибудь недовольного младенца. Потом на дворниках появились новые оранжевые жилеты, а затем веники из тополиных веток были обменены на мётлы из синтетических материалов. Перед самым кризисом мои дворники вновь меняли транспорт – коляска была заброшена в мусоровоз, а вместо неё на дорогу выехала хромированная тележка из супермаркета. А потом грянул кризис, и сейчас дворники в грязных оборванных жилетах ездят втроём на одном велосипеде, причём так ловко, что почти никогда не падают и мётлы теряют не больше двух раз в час.

Но не все любят дворников. В связи с этим на заборе часто сообщают, куда им следует уезжать, – вдруг забыли.

Потом район перешёл к национальному вопросу. Сначала на заборе появилось «Русский, не бухай». Редкий русский при виде этого напоминания не свернул в магазин, а один совестливый

человек, я слышал, жене сообщил, что он русский только наполовину, поэтому бухает сегодня в нём украинец.

Но в целом все работающие люди, а особенно мои дворники-узбеки, были совершенно не против, если бы кое-какие представители российского генофонда действительно бухали поменьше. Ну, или потише.

Когда и как эта забота о русском человеке трансформировалась в новый «Крестовый поход», я не заметил. Но как-то я стал замечать то на одном, то на другом доме разные вариации на тему «кого бы ещё побить, чтобы спасти Россию».

И вот тут-то господь бог (которого, по некоторым данным, выдумали неуверенные в себе интеллигенты) и показал своё чувство юмора. Рано утром я, стоя на остановке, зачарованно наблюдал, как три узбекских дворника белой краской замазывали свежий националистический призыв, дословно гласивший «Россия для русских!». Дворники были уставшими и грустными, но не от проявления нетерпимости, а оттого, что какой-то идиот добавил им работы. И невдомёк им было, что закрашивают они национально-лингвистический анекдот. И что другой анекдот, национально-исторический, их ждёт на другой стороне улицы Крупской. Там было написано «Власть белым» (мне кажется, Надежда Константиновна отказалась бы давать имя улице, если бы знала, до чего дойдёт).

Согласитесь, шикарное чувство юмора у мироздания.

Вы не подумайте, я лично не склонен недооценивать остроту национального вопроса (и остроту национального ответа ещё больше не склонен недооценивать). Я лично за грамотный русский и за чистоту стен. ▣

Фото: Томас Бабуэн

ВОПРЕКИ ЗДРАВОВОМУ СМЫСЛУ

Драматург Ольга Дарфи ищет ответы на сложные вопросы о терроризме

Алексей Ермаков

■ Спектакль Ольги Дарфи «Смутный объект разведки, или Чистая вата» впервые был представлен на фестивале театра и кино о современности «Текстура» в Перми в сентябре 2010-го. Официальная премьера спектакля состоялась в арт-кафе «Мастерская» в Москве 27 ноября 2010 года. Спектакль даётся раз в месяц. В феврале он был сыгран в эфире телеканала «ДОЖДЬ» в память о подруге Ольги драматурге Анне Яблонской и всех жертвах теракта в Домодедово.

24 января я снова вспомнил спектакль, который смотрел с друзьями осенью, и мне захотелось поговорить с тем, кто его придумал. Ведь я так и не понял самого главного: что именно хотела сказать Ольга Дарфи всем тем, кто пришёл на неё посмотреть...

— Наверное, у меня просто слишком активная жизненная позиция. Я считаю, что если теракты происходят, то каждый человек обязан понять, почему это происходит. Попытаться в этом разобраться, ответить для себя на какие-то вопросы...

На некоторые я так и не нашла ответа. Вообще, всю проблематику терроризма можно рассматривать в двух направ-

лениях. Например, что это теория заговоров, какая-то мистическая составляющая. Что никакого терроризма не существует, всё это политический заговор, использование таких ресурсов политиками в тех или иных целях. Вторая версия — что терроризм реально существует, и действительно есть смертники, которые, взрывая себя, пытаются привлечь внимание общественности к каким-то проблемам или напугать. Мой спектакль — это не развлекательная пьеса, на которую зритель приходит расслабиться, где ему подают какую-то готовую версию, а он радуется или плачет. Это скорее пицца для размышления, где люди получают какой-то определённый ракурс про-

блемы, а потом «уходят домой думать сами».

Полутёмный театральный зал и обстановка узкого круга «интеллектуальной богемы». Из декораций — только два стула и натянутая простыня для кинопроектора. В зале прохладно, и в тишине шумит тепловая пушка. Все в ожидании. Проектор выхватил из тьмы лицо девушки лет тридцати — это была сама Ольга Дарфи, которая сразу огорошила публику следующим заявлением: «Вот я человек действия. Не знаю, быть может, это такие примитивные реакции. Меня трогают, я сжимаюсь, разжимаюсь и действую. Я считаю, пусть лучше будут действия, даже самые нелепые, — это лучше, чем глухое равнодушное молчание. Я уверена, что, если даже ничего не понятно, надо разбираться и действовать, действовать вопреки здравому смыслу, ибо нет ничего в мире скучнее и нелепее, чем здравый смысл».

— Я хотела сказать, что каждый человек должен не тихо сидеть в углу и делать вид, что терроризм его не касается, а размышлять и высказываться на улице, в Интернете, в блоге. Государство берёт на себя какие-то функции нашей защиты, мы платим налоги,

соответственно, мы имеем право требовать безопасности. И это не значит, что у государства теперь есть повод усилить полицейский режим и осуществлять тотальный контроль под предлогом борьбы с терроризмом.

Ольга сидит в Mon Cafe в центре Москвы и ест свой любимый шоколадный торт. «Я не смотрю в окно, я смотрю в свою тарелку, я знаю, что торт — вкуснятина, и ничего другого я знать просто не хочу», — говорит она. Идеалистическая картина сменяется сюжетом Первого канала, где сообщается, что в кафе, помимо нашей героини, побывала настоящая шахидка, которая хотела себя взорвать, но по каким-то причинам не привела в действие адский механизм. «И тогда я подумала: блин, это просто трюндец какой-то. То есть одно дело, когда башни в Нью-Йорке падают, да, это как-то далеко. А когда ты сидишь в своём любимом кафе, и тебя пытаются взорвать — это уже не какой-то медиамир. И тогда я решила, что хочу посмотреть в глаза этого человека, который вот так вот шёл по улице с бомбой».

Ольга была абсолютно уверена, что для своего проекта, если понадобится, она добьётся встречи с самим Владимиром

Путиным. Она писала письма в ФСБ с просьбой организовать встречу с той самой смертницей — Заремой Мужаховой. Вскоре Ольгу действительно вызвали на Лубянку. Но удалось ей встретиться лишь с сотрудником ФСБ...

— Давления со стороны силовиков не было. Они же серьёзно ко мне не относятся. Я не представляю собой какой-то политической силы. Если я была известной журналисткой или медийным лицом, то, я думаю, они, конечно, по-другому бы как-то себя вели, по-другому разговаривали. Ну а так я совершенно никому не известный персонаж, и в этом моё преимущество. Если бы я была медийным лицом, я бы никогда не смогла провести те разговоры, которые у меня случились.

И, несмотря на то что всё задуманное не получается, тема терроризма мистическим образом не отпускает Ольгу. По роковой случайности (или не случайности), мартовские взрывы в московском метро в 2010 году происходят в день её рождения.

О поисках правды и о правде глазами Ольги — именно об этом весь её спектакль. ▣

Ольга Дарфи (Пигалёва) — сценарист, драматург и режиссёр. Родилась в Санкт-Петербурге. В 1994 году поступила на режиссёрский факультет ВГИКа, мастерская Хотиненко В.И. В 2003 году она выпустила один из первых документальных спектаклей «Трезвый PR» в Театр.DOC. Сняла несколько документальных фильмов: «Хакер», «Закон о наркотиках», «В ожидании Ваню», «25 современных российских писателей». В 2003 году Дарфи режиссировала спектакль «Трезвый PR» про политический консалтинг.

Идо Нетаниягу «Последний бой Йони»

«Мосты культуры», 2001

Это последовательный рассказ об операции «Энтеббе» (другое название — «Шаровая молния»), представлявшей собой рейд израильских военных с целью освобождения захваченного в 1976 году самолёта компании «Эр Франс». Герой книги Йони Нетаниягу — командир отряда, освободившего заложников. Автор с необходимой ему дотошностью описывает каждый шаг своего героя, каждую мысль его как по поводу случившегося, так и в отношении жизнеустройства. Произведение, являясь прежде всего художественным, не лишено вымысла. Но его так мало, что «Последний бой» вполне может сойти за исторический источник.

Марина Левичева

Книги о терроризме

Леонид Велехов «Беслан. Кто виноват?»

«Совершенно секретно», 2005

По сути, это даже не книга, а сборник статей, расследований и документов, связанных с террористическим актом в школе города Беслана 1 сентября 2004 года. Над книгой работали журналисты изданий «Совершенно секретно» и «Версия», которые не только были очевидцами событий, но также в течение года после случившегося вели собственное расследование по этому делу. Кто организовал жестокий теракт? Кто отдал приказ о штурме, во время которого погибло большинство заложников? Куда пропала часть гуманитарной помощи, направленной в Беслан со всего мира? Эта книга — как раз тот случай, когда после драки полезно махать кулаками, чтобы хоть в чём-то разобраться.

Татьяна Попова «Норд-Ост глазами заложницы»

«Вагриус», 2002

Татьяна Попова — журналистка, оказавшаяся в числе зрителей мюзикла «Норд-Ост» 23 октября 2002 года. После теракта она посчитала своим долгом (и профессиональным, и человеческим) написать правду о том, как это было. Уже в предисловии автор говорит, что всё описанное — это лишь личные впечатления и домыслы, никаких фактов. За всем этим эмоциональность воспроизведённого зашкаливает. Порой написанное кажется бессмыслицей, но на минуту представив себя там, утопленным, как все они, в красное кресло, понимаешь, что иначе передать такое невозможно. Замечательны авторские сопоставления того, что предлагали зрителям медиа и что в это время на самом деле творилось за бетонными стенами.

Ориана Фаллачи «Ярость и гордость»

«Вагриус», 2004

Ориана — известная итальянская журналистка, много лет живущая в Америке. 11 сентября 2001 года она оказалась случайным свидетелем страшного теракта. По ходу чтения создаётся впечатление, что, лишь только оттремели звуки рушившихся зданий, она тут же бросилась домой и села за компьютер: настолько яркие переживания, настолько смелые высказывания. Критики называют творение Фаллачи антиисламским памфлетом, читатели же называют её книгу дневником. Она и действительно очень личная, даже выстраданная. Интересен тот факт, что из-за резких высказываний в адрес ислама Фаллачи судилась с одной мусульманской группировкой. Впрочем, дело она выиграла. Как и своё право называться автором с большой буквы.

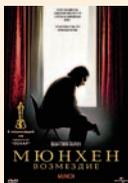

«Олимпиус инферно»

(2009, РЕЖ. ИГОРЬ ВОЛОШИН)

Волошин не умеет снимать простое кино — так уж повелось. Обратившись к трагическим событиям августа 2008 года, он показал разрушение Цхинвала сквозь призму чувств. На первом плане отношения американца русского происхождения Майкла и девушки Жени, приехавших снимать фильм о редком виде бабочек. В результате у них получается фильм о войне — плёнки, которые поставят их жизни под угрозу. У Волошина тоже получился фильм о маленькой, но такой большой войне с отчаянной, в духе Лары Крофт, главной героиней и нерешительным героем-идеалистом. Важно, что у режиссёра всё по-честному. И предел откровенности — фраза, произнесённая в финале, что заставляет сердце замереть на неопределённый срок.

Фильмы о терроризме

«Мюнхен»

(2005, РЕЖ. СТИВЕН СПИЛБЕРГ)

Этот фильм всё же выделяется на фоне остальных фильмов Спилберга как настроением, так и темой. В его основе — реальные события Олимпийских игр 1972 года, когда участниками радикальной палестинской группировки «Чёрный октябрь» были захвачены и после неудачного штурма убиты 11 человек из состава израильской сборной. Впрочем, фильм не об этом. Он «о том, что случилось потом». А случилось то, что некий агент (Эрик Бана) по заданию правительства покидает Израиль с целью возглавить одну из групп ликвидаторов, призванных уничтожить организаторов теракта. Но, как известно, в жизни редко что-то идёт по плану. И совсем скоро ему придётся выбирать, кто же он: патриот или любящий муж и отец?

«11 сентября»

(2002, РЕЖ. ЮЗЕФ ШАХИН, ШОН ПЕНН, ДАНИС ТАНОВИЧ И ДР.)

Картина посвящена одному из самых масштабных террористических актов современности — нападению на башни-близнецы в Нью-Йорке. Между тем эта картина необычная, в духе символизма. Одиннадцать режиссёров из разных стран снимают одиннадцать коротких новелл, рассказывающих о том, как теракт повлиял на жизни простых людей разных национальностей: израильская учительница пытается объяснить подопечным, почему важно почтить память погибших минутой молчания, африканские дети надеются схватить Усаму Бен Ладена и получить 25 миллионов... Не обошлось и без истории любви, которую внёс в проект французский режиссёр Клод Лелуш. При этом каждая новелла длится ровно 11 минут 9 секунд и 1 кадр. Однако «символы» никоим образом не влияют на художественную ценность каждого отдельно взятого эпизода.

«Четыре льва»

(2010, РЕЖ. КРИСТОФЕР МОРРИС)

Моррис снял комедию-сатиру. Острая, бунтарская, неоднозначная — самые подходящие определения. Сюжет на грани реальности и фантастики, дозволенного и запрещённого. Жили-были в туманном Альбионе четыре шахида, одержимые жаждой попасть в рай, а вместе с ней и жаждой славы (которой, по их мнению, в полной мере обладают террористы). И решили они однажды, что им тоже неплохо было бы что-нибудь взорвать. Только вот что? С одной стороны, теракт должен быть масштабным. С другой — умереть им совсем не хочется. Тогда они решают взорвать то, без чего современный человек не сможет жить, — Интернет. Картина вполне может задеть чьи-то чувства. Но если воспринимать её как произведение искусства, то остаётся лишь восхищаться отличным сценарием и слаженной актёрской работой.

ПРИЗРАЧНЫЙ ДОМ РОМАНОВЫХ

Денис Логинов

ЕЩЁ СОВСЕМ НЕДАВНО — ПО МЕРКАМ ИСТОРИИ — ЛЮБОЙ ШКОЛЬНИК ЗНАЛ, ЧТО УГНЕТАТЕЛЕЙ-ЦАРЕЙ РОМАНОВЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ НАРОД СТЁР С ЛИЦА ЗЕМЛИ. КАКИМ ОБРАЗОМ, КОГО ИМЕННО — ПРЕДПОЧИТАЛИ НЕ УТОЧНЯТЬ. САМОДЕРЖАВИЕ В РОССИИ ЗАКОНЧИЛОСЬ РАЗ И НАВСЕГДА, КРОВАВОМУ РЕЖИМУ ПРИШЁЛ КОНЕЦ, А ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ НЕ ИМЕЛО АБСОЛЮТНО НИКАКОГО ЗНАЧЕНИЯ.

ИНТЕРЕСНО, ИСКРЕННЕ ЛИ ПИСАЛИ ЭТО АВТОРЫ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИИ? НЕ МОГЛИ ЖЕ ОНИ НЕ ЗНАТЬ ХОТЯ БЫ ЧАСТИ ВСЕЙ ПРАВДЫ. НО УТВЕРЖДАЛИ УВЕРЕННО И С АПЛОМБОМ: ПОСЛЕДНИЕ РОМАНОВЫ КАНУЛИ В ЛЕТУ В 1918 ГОДУ. О ТЕХ ЧЛЕНАХ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ, КОТОРЫМ УДАЛОСЬ ЭМИГРИРОВАТЬ И СПАСТИСЬ, ХРАНИЛИ МОЛЧАНИЕ — СЛИШКОМ УЖ ОПАСНАЯ ТЕМА. ДА И НЕПРОСТАЯ — СЕМЬЯ-ТО БЫЛА И ОСТАЁТСЯ ОГРОМНОЙ, ВСЕХ УПОМИНАТЬ... НЕТ РОМАНОВЫХ — И ВСЁ.

И УЖЕ СОВСЕМ НЕДАВНО «ВДРУГ» ОБНАРУЖИЛОСЬ, ЧТО РОМАНОВЫ НЕ ТОЛЬКО СУЩЕСТВУЮТ, НО И СОЗДАЛИ СОБСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ В ИЗГНАНИИ.

В КОТОРОМ, КАК ПРИ ЛЮБОМ ЦАРСКОМ ДВОРЕ, НЕ ЗАТИХАЮТ СПОРЫ О ТОМ, КТО ЯВЛЯЕТСЯ ЗАКОННЫМ НАСЛЕДНИКОМ УТРАЧЕННОГО ТРОНА.

СПОРЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ПРАКТИЧЕСКОГО СМЫСЛА. ЗАКОННЫХ НАСЛЕДНИКОВ НЕ ОСТАЛОСЬ. ТАК ЧТО РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ В ИЗГНАНИИ — ЯВЛЕНИЕ ДОСТАТОЧНО ПАРАДОКСАЛЬНОЕ, ОСОБЕННО В ТОЙ ЕГО ЧАСТИ, КОТОРАЯ КАСАЕТСЯ ПРАВ НА КОРОНУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

После революции большевики действительно истребили всё мужское потомство предпоследнего императора Александра III, отправив заодно на тот свет и большую часть женского потомства. Так что наследников по прямой — пусть даже и женской — линии в действительности не существует.

Судите сами: у императорской четы было шестеро детей — четыре сына и две дочери. Старший сын, цесаревич-наследник Николай, был расстрелян вместе со всей своей семьёй: супругой и пятью детьми. Второй сын Александр скончался в младенчестве. Третий — Георгий — умер от чахотки, не дожив до тридцати лет, бездетным холостяком.

Оставался четвёртый сын — Михаил, официально считавшийся наследником престола до рождения сына у императорской четы Николая и Александры. Но и после рождения цесаревича Алексея Михаил числился вторым в списке наследников престола, однако в 1912 году тайно обвенчался в сербской православной церкви в Вене с Натальей Сергеевной Вульферт, урождённой Шереметьевской. Брак с дважды разведённой женщиной перечеркнул все права Михаила на российский престол. И даже то, что впоследствии император Николай II простил младшего брата, дал его супруге титул графини Брасовой и признал своим племянником сына от этого брака Георгия, ничего не меняло в вопросе престолонаследия.

Михаил был убит, как и его старший брат, но жене и сыну удалось спастись.

Что же касается дочерей императора Александра III, то старшая, Ксения, вышла замуж за великого князя Александра Михайловича, внука императора Николая I. Всей семье (а в ней было семеро детей) удалось спастись, сыновья женились на урождённых княжнах самых громких фамилий, но браки всё равно были неравнородными. К тому же Ксения Александровна никогда не претендовала на престол для себя или своих детей: наследование шло исключительно по мужской линии.

Младшая же дочь Ольга первоначально была обвенчана с принцем Ольденбургским, но два года спустя Святейший синод этот брак (бездетный) расторг. Впоследствии Ольга вышла замуж за простого дворянина Куликовского и мирно прожила с ним всю жизнь за границей. Никаких претензий на престол у неё, естественно, не было и быть не могло.

Права на российский престол перешли к потомству императора Александра II,

старшим династическим представителем которого был великий князь Кирилл Владимирович — внук царя-освободителя и двоюродный брат императора Николая II. Казалось бы, всё по закону, но...

Кирилл Владимирович женился на своей двоюродной сестре (что строго запрещено православной церковью), вдобавок сестре неправославной и разведённой. Брак этот был заключён вопреки просьбам, предупреждениям и, наконец, прямому запрету Николая II.

Великая княгиня Виктория Фёдоровна (Виктория Мелита) была дочерью герцога Саксен-Кобург-Готского Альфреда и Марии Александровны, дочери Александра II. Ко времени знакомства с князем Кириллом Виктория была разведена с братом императрицы Александры Фёдоровны, великим герцогом Гессенским Эрнстом Людвигом, и имела дочь от первого брака... Таким союзом Кирилл Владимирович лишал себя каких бы то ни было прав на российский престол, если бы... всё ещё оставался в России и если бы не произошло Октябрьского переворота.

Но менялось — причём стремительно — практически всё. Цвет русской аристократии, в том числе и члены семьи Романовых, оказался разбросанным по всему миру. В Европе ещё помнили императоров, королей и правила престолонаследия, а вот в Америке обо всём этом слухом не слыхивали и любой титул рассматривали как экзотику: богатые американки считали шикарным превратиться в графиню или княгиню, миллионеры включили в свой список «подходящих невест» из числа титулованных эмигранток.

О престолонаследии и связанных с ним жёстких правилах никто в Америке и не помышлял, считая это абсолютно бессмысленной вещью. Там были свои короли — железнодорожные, текстильные, сталелитейные...

За пределами России оказались спасшиеся разными путями восемь великих князей и одиннадцать князей императорской крови, которые вместе с восемнадцатью представительницами династии и составили Российский Императорский Дом в изгнании. Поясним, что великими князьями и великими княжнами считались по закону дети и внуки царствующих императоров, а их более отдалённые потомки — всего лишь князьями и княжнами императорской крови.

Позднее двое из князей императорской крови каким-то образом всё-таки получили

титул — великий князь Владимир Кириллович (1917—1992) и великий князь Гавриил Константинович (1887—1955). Но Гавриил был первым браком женат на балерине Антонине Нестеровской, а вторым, после смерти супруги, — на княжне Ирине Ивановне Куракиной. Оба брака были бездетны.

Да и все выжившие особы мужского пола императорской крови постепенно, один за другим, заключили морганатические браки, потомство от которых по закону лишалось права на членство в Российском Императорском Доме и, следовательно, права на русский престол. Вопрос о престолонаследии по женской линии даже не возникал — с такими штуками в России покончили после слишком уж удачного царствования Екатерины Великой.

И вообще, по закону о престолонаследии главными претендентами на престол должны были выступить, как уже говорилось, прямые потомки и члены семьи императора Александра III, но, увы, среди них к середине прошлого века не осталось лиц мужского пола. Тем не менее претендент на престол отыскался.

Двоюродный брат Николая II великий князь Кирил Владимирович в 1922 году объявил себя блюстителем престола, а 31 августа 1924 года принял титул Императора Всероссийского Кирилла I. Родственники восприняли эту новость без особого энтузиазма, но и не слишком возмущались: тогда главным было выжить, сохранить семью, обрести устойчивую опору. А престол... где он? Некоторые даже изъяснили, как и подобало в таких случаях, верноподданные чувства.

Один из многочисленных кузенов ново-явленного императора, великий князь Александр Михайлович, в письме за своей подписью и за подписями своих сыновей, князей Андрея, Фёдора, Никиты и Ростислава Александровичей, обращался к уже государю Кириллу Владимировичу:

«Молим Бога дать Тебе сил на исполнение трудного подвига, который Ты взял на себя, подчиняясь Основным Законам Государственным. Мы подчиняемся Тебе и готовы служить глубоко любимой нами Родине, как ей служили Отцы и Деды, следуя их заветам... Дмитрий не с нами, он работает в Нью-Йорке, мы ему сообщили о нашем письме Тебе».

Женитьба на разведённой кузине была забыта и прощена: слишком много балерин, актрис и прочих дам непонятного происхождения становились супругами особ царской

крови. А великая княгиня Виктория Фёдоровна была всё-таки голубых кровей, да и первым браком сочеталась с равнородным.

Третий ребёнок, князь Владимир, родился уже в Финляндии, в августе 1917 года. По законам Российской империи, которые тогда ещё не удосужились отменить, он уже не мог носить титул великого князя, а, как правнук императора, являлся только князем императорской крови. Да и большинство впоследствии трагически погибших Романовых — законных наследников трона — были к тому времени ещё живы.

Однако после того как Кирил Владимирович объявил себя императором, его сын стал наследником престола и великим князем. Но это прошло, опять же, почти незамеченным — не до того было. А тем временем великого князя Владимира Кирилловича родители воспитывали именно как будущего российского императора. Наследник блестяще владел родным языком, наряду с французским, английским, немецким и испанским, великолепно знал историю России, отличался живым умом и широкой эрудицией, до глубины души был предан православной церкви и гордился своей принадлежностью к России.

Но в 1938 году великий князь Кирил Владимирович, он же самопровозглашённый Император Всероссийский Кирилл I, скончался. Владимир Кириллович, которому к тому времени исполнился 21 год, довольно долго не решался провозгласить себя императором и оставался номинально главой Российского Императорского Дома и местоблюстителем престола. Против этого родня хотя и возражала, но, опять же, довольно вяло: надвигалась Вторая мировая война, заботы были совсем другими.

Правда, в одной из выходивших в Париже русскоязычных газет было чёрным по белому написано:

«Двадцатилетний молодой человек принял на себя тяжёлое бремя Главы Династии. К этому времени все Члены Императорской Фамилии мужского пола уже переженились, заключив неравнородные (morganaticкие) браки. Судьба династии фактически оказалась в распоряжении Великого князя Владимира Кирилловича. Достаточно жениться морганатически и Ему, чтобы на Земле уже не оставалось ни одного законного наследника трона Российской империи».

Слова оказались пророческими, но им никто не внял. Мир охватил пожар огромной войны, и судьба трона уже двадцать лет не существовавшей империи никоим образом не волновала. Были заботы поважнее.

После начала войны между Германией и СССР Владимир Кириллович сделал 26 июня 1941 года официальное заявление:

«В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен Крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырёх лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма».

Суть этих величественно-красивых слов проста: Владимир Кириллович присоединился к Гитлеру и его союзникам, дабы с их помощью вернуть, наконец, утраченный престол. Сначала лишь на словах, но к концу войны присоединился со своей свитой, точнее сторонниками, к РНА, что вовсе не обрадовало генерала Власова, строившего свою идеологию и кадровую политику на принципе «советских граждан, обманутых большевиками».

Но если генерал Власов после войны закончил свою жизнь на виселице как изменник Родины, то Владимир Кириллович и его свита были отправлены союзными войсками в Австрию, откуда несостоявшийся император перебрался в Испанию к своей тётке со стороны матери инфанте Беатрисе, урождённой принцессе Саксен-Кобург-Готской. Там, в Мадриде, он получил статус монарха в изгнании, хотя совершенно непонятно, кто ему его дал. Уж точно не другие Романовы.

И там же через три года он познакомился со своей будущей супругой — княжной Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской, внучкой Александра Ираклиевича Багратион-Мухранского, который де-юре считался царём Грузии, а в 1918 году был казнён большевиками в Пятигорске в числе заложников. Его семья эмигрировала в Испанию: генерал Франко всегда с подчеркнутым уважением относился к Российскому и Грузинскому Царственным Домам, и у Леониды Георгиевны сохранились о нём самые светлые воспоминания.

Такова официальная версия, большая часть которой — абсолютная правда. И супруга из царского, хоть и свергнутого рода раз

и навсегда обеспечила бы законность притязаний Владимира Кирилловича на родовой трон. Но...

Но прекрасная грузинская княжна уже успела побывать замужем. В 1934 году в Ницце она зарегистрировала брак с американским подданным, богатым бизнесменом Самнером Муром Керби, и родила дочь Елену. Потом будут писать, что Керби являлся потомком шотландского дворянского рода, но это мало что меняло — в 1937 году брак распался.

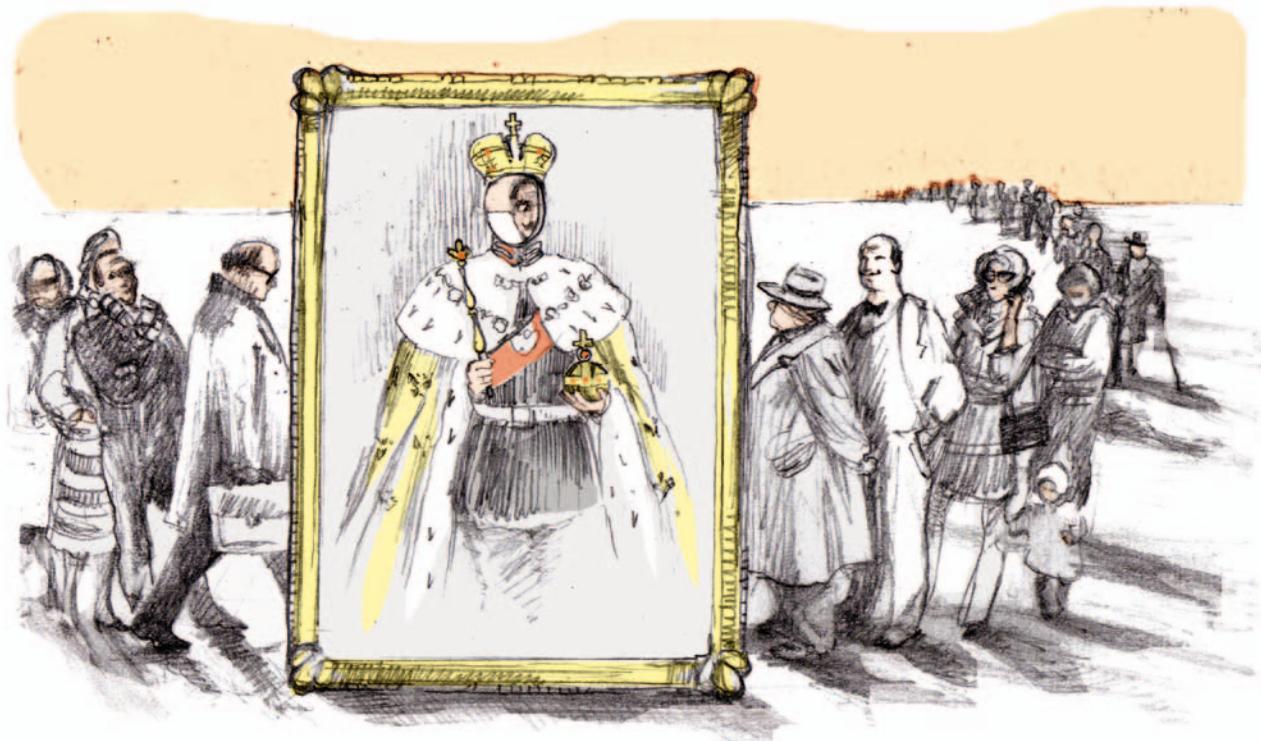
Владимир Кириллович, таким образом, собрался жениться на разведённой женщине. И если первый супруг его высокородной матушки был действительно королевских кровей, что хоть как-то сглаживало «неравномерность» её второго брака, то Леонида Георгиевна была всего-навсего женой американца, который к тому же до неё был женат на дочери богатейшего еврейского банкира Якова Шиффа, щедро финансировавшего в своё время революцию в России.

Правда, Керби погиб на фронте в 1945 году, так что можно было бы просто забыть о нём. Влюблённые так и сделали, но их окружение было, мягко говоря, шокировано. Этот брак не был разрешён всесильным испанским диктатором генералом Франко, который открыто покровительствовал нашедшим прибежище в Испании Романовым, и на него не было благословения православной церкви. Синод русской зарубежной православной церкви этот брак, как заведомо неравнородный, не только не благословил, но и запретил, так что ни один русский священник «высочайшую чету» не обвенчал бы.

Согласно 18-му Апостольскому Правилу, Владимир Кириллович не мог быть отныне возведён в священный чин, а именно таким церковным таинством является коронование и миропомазание на царство, поскольку его жена должна быть девицею, а не разведённою.

Но короли (а тем более императоры!) могут всё. Не обращая ни малейшего внимания на разгоравшийся скандал, Владимир Кириллович и Леонида Георгиевна просто выехали из Испании в Швейцарию и обвенчались в греческой церкви 11 августа — когда у православных ещё был Успенский пост, и по церковным канонам венчание не совершается. Этим они тоже высочайше пренебрегли.

Позже, когда династические споры в семье Романовых разгорелись с новой силой,

председатель Высшего Монархического Совета в Лондоне Георгий Маврикиевич Кнюпфер опубликовал «Осведомительное сообщение». Вот что там было сказано:

«...Печальны были обстоятельства, при которых женился великий князь. Не только генерал Франко, но и все родственники Главы династии были в ужасе от брака с неравнородной и разведённой. По настоянию августейших родственников, наш Синод отдал распоряжение, чтобы наши священники не венчали их. Тогда великий князь и г-жа Кирби спешно уехали в Лозанну и там, во время поста, венчались в греческой церкви, нарушая каноны также и тем, что поблизости были и наши церкви (имеются в виду русские православные храмы)...»

«Августейшая чета» предпочла отправиться жить во Францию, где у Владимира Кирилловича был доставшийся от родителей дом в бретонском городке Сен-Бриак. Монарх в изгнании добровольно подверг себя изоляции от света: он хорошо знал своих родственников и был уверен, что страсти рано или поздно утихнут и скандал сойдёт на нет. Особенно если

бог пошлёт им с супругой сына — законного наследника.

Но в течение нескольких лет после заключения брака детей не появилось. Это огорчало и беспокоило их как чисто по-человечески, так и в смысле продолжения династии. Дело в том, что все остальные великие князья и князья императорской крови, выжившие в революционном смерче и оказавшиеся в эмиграции, вступили в ещё более неравнородные браки, чем монарх в изгнании. В силу династических законов, их потомство не принадлежало к Императорскому Дому и не имело прав престолонаследия.

Если бы у великого князя Владимира Кирилловича не появилось потомства, наследие должно было неизбежно перейти в какую-нибудь иностранную династию, что, впрочем, в Европе случалось сплошь и рядом. Только там дело касалось вполне реальных, а не призрачных тронов. Но могли ли Романовы отказаться от столь великолепной игрушки, как мечта о восстановлении своего Дома во всём блеске? Что бы в таком случае у них осталось «для души»?

В 1953 году Владимир Кириллович и Леонида Георгиевна отправились в паломничество, чтобы помолиться «о чадородии» у мощей святителя Николая Мирликийского. Ровно через девять месяцев, 23 декабря 1953 года, на свет появилась девочка, великая княжна Мария Владимировна. Больше детей у супругов так и не было.

Казалось бы, всё ясно: семья Романовых перестала быть Царствующим Домом, и следовало искать действительно законного наследника престола в других Королевских Домах Европы. Вместо этого Романовы занялись многолетним выяснением того, чей брак «равнородней» и кто должен теперь именоваться императором. Продолжалось это мало кому интересное действо до совершеннолетия Марии Владимировны, в честь которого её отец издал «Акт об учреждении по его кончине блюстительства Российского императорского престола в лице его дочери».

23 декабря 1969 года благоверная государыня великая княжна Мария Владимировна принесла установленную основными законами династическую присягу на верность отечеству и своему августейшему отцу.

Мария называлась единственной законной наследницей, так как все возможные претенденты на блюстительство престола по мужской линии состояли в морганатических браках и, следовательно, лишались всех прав престолонаследия. О двух морганатических браках подряд в собственной семье Владимир Кириллович забыл напрочь, как истинный император. Но о них хорошо помнили его многочисленные родственники.

Довольно надменный акт (в котором Владимир Кириллович, в частности, не признавал браки своих родственников, а их детей называл не Романовыми, а Романовскими, как князей, принадлежавших к побочным линиям рода) вызвал серьёзную ссору в семье Романовых. После объявления Марии наследницей престола многие его представители заявили, что не признают за ней права на престол и рассматривают провозглашение княгини Марии Владимировны будущей главой Русского Императорского Дома как акт произвола и беззакония. Под этим заявлением подписались представители трёх ветвей Российского Императорского Дома.

В бывшей России — тогда ещё СССР — обо всём этом понятия не имели. Судя по нескольким переписям, в стране не было

НИ ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕКА ДВОРЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ. И о том, что где-то существует то ли императрица Мария I, то ли вообще никому не понятная блюстительница трона, даже не представляли. Да и как можно блюсти то, что существует только в воображении нескольких десятков человек? Ну, сотен, которые и живут-то не в России.

Между тем история борьбы — виртуальной, как бы сейчас сказали, — за трон Романовых потихоньку продолжалась. Достигнув 23-летнего возраста, Мария Владимировна в мадридском православном храме сочеталась браком с принцем Францем-Вильгельмом Германским и Прусским, правнуком императора Вильгельма II. Он принял православную веру и святое миропомазание, стал именоваться великим князем Михаилом Павловичем, обязался воспитывать своё потомство в православии. Семья могла быть довольна.

Могла, но не была, несмотря на то что в 1981 году, накануне скорбной годовщины — столетия со дня убийства своего прапрадеда Александра II — появился на свет великий князь Георгий. Князь Василий Александрович, к тому времени фактический «старейшина» рода Романовых, опубликовал по этому поводу довольно ядовитое заявление:

«Счастливое событие в Прусском Королевском Доме не имеет отношения к Романовым, поскольку новорождённый князь не принадлежит ни к Русскому Императорскому Дому, ни к роду Романовых.

В России больше никогда не будет монархии, сам я, в принципе, за демократию и не имею ни малейших претензий на царский трон, даже если бы он мне принадлежал как последнему живущему Романову».

Владимир Кириллович стоически проглотил эту горькую пилюлю, поскольку уже видел своего внука на российском троне с короной на голове. Леонида Георгиевна мечтала о том же. Но... брак его родителей распался. И, с точки зрения любого здравомыслящего человека, князь Георгий теперь тем более мог бы претендовать только на германский престол, но никак не на российский. Любого — но только не его деда, монарха в изгнании Владимира Кирилловича. В 1989 году в соответствующих газетах появился следующий документ, написанный без тени шутки:

«ОБРАЩЕНИЕ Главы Российского Императорского Дома Государя Великого Князя

ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА к российским народам.

С глубоким прискорбием сообщая всем Соотечественникам, что 24 июня сего года скончался мой любезнейший троюродный брат, Его Высочество Князь Василий Александрович. Покойный Князь был, помимо Меня, последним Членом Российского Императорского Дома мужского пола, имеющим право на наследование Престола. С Его кончиною, в согласии с Государственными Основными Законами Российской Империи, наследование Престола переходит после Меня в женское поколение Нашей Семьи, и по тем же Законам Старшей в порядке наследования Престола в женском поколении является Моя Дочь, Её Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Мария Владимировна. Будем же молить Всевышнего, дабы, когда наступит час Моей Дочери принять от Меня права и обязанности Главы Российского Императорского Дома, Он подал Ей силы и возможности исполнить лежащий на Ней ответственный долг и успешно нести высокие обязанности Наследницы Своих Венценосных Предков; а после Ней дабы Всевышний также благословил Её Любезнейшего Сына и Нашего Внука, Его Императорское Высочество Великого Князя Георгия Михайловича.

*ВЛАДИМИР
25 июля 1989 года»*

Если кто-то из россиян того времени и прочитал этот возвышенный документ, то вряд ли проникся его идеями. Хотя в стране потихоньку стали появляться... аристократы. Не просто дворяне, а представители самых знатных российских семей, по-видимому, пересидевших в подполье семь с лишним десятков лет. Они-то быстро сообразили, что где-то существует взаправдашний император, и осталось только возвести его на престол.

Президент Советского Союза Михаил Горбачёв вряд ли стал бы возражать, ибо был человеком прогрессивным и справедливым. А тут можно было бы всё устроить, как в Англии: вот царский двор, который ПРЕДСТАВЛЯЕТ страну, а вот парламент во главе с премьер-министром, который страной ПРАВИТ. Да и супруга Михаила Сергеевича вряд ли отказалась бы от искушения получить, к примеру, княжеский титул. Но тут

всё вообще полетело кувырком — советская империя развалилась, и стало уже не до монархических забав.

А в апреле 1992 года в Майами скончался Владимир Кириллович. Русская зарубежная православная церковь отказала ему в отпевании. Хоронили его в конце мая того же года в Санкт-Петербурге в Петропавловской крепости, в бывшей великокняжеской усыпальнице. Благо монарх в изгнании за несколько месяцев до своей кончины посетил страну и город, которые не видел ни разу в жизни, и был обласкан президентом Ельциным. Тем самым, который сначала велел снести дом в Свердловске, где приняла мученическую кончину царская семья, а потом распорядился найти и перенести останки невинноубиенных в родовую усыпальницу.

Только в России история способна выписывать такие пируэты!

Между тем в конце июня 1992 года в Париже собрались мужские представители потомков Романовых: князь Николай Романович (Италия), Дмитрий Романович (Копенгаген), Андрей Андреевич (Сан-Франциско), Никита и Александр Никитовичи (Нью-Йорк), Михаил Фёдорович (Париж) и Ростислав Ростиславович (Лондон). Они должны были договориться, кто же официально станет главой семейства. Решение не было принято, но князь Николай заявил:

— У российской императорской династии нет больше главы, и сам русский народ должен принять в связи с этим своё решение.

Достойная дочь своего отца, Мария Владимировна не обратила на это заявление ни малейшего внимания, в чём её всецело поддержала мать — «вдовствующая императрица» Леонида. Правда, после смерти Владимира Кирилловича слова «император», «императрица» и им подобные уже не произносились вслух. Мария и Леонида довольствовались титулами великих княгинь, что расположило к ним... нет, не членов семьи, а тогдашнего президента России.

В 1990-е в Испании ходили упорные слухи о том, что президент Ельцин якобы собирается возродить монархию и назначить своим преемником сына великой княгини. Тогда же утверждалось, что Георгий отправится продолжать образование в Россию. Против этого, по свидетельству испанской печати, резко возражал его отец, который называл Россию Ельцина не иначе как «волчьим логовом, где всем

заправляет мафия, как в Чикаго 30-х годов». Немцы всегда были нацией практичной и здравомыслящей.

Летом 1997 года Георгий принял присягу на верность Отечеству. Поступок, который может показаться несколько странным. Но дело в том, что, хотя споры о том, кто из потомков рода Романовых имеет право на скипетр и державу, не прекращались, подписанный осенью 1996 года указ президента России оставил его за Георгием...

Не знаю, всё ли могут короли, но президенты в России могут абсолютно всё. Даже назначить собственного монарха, не удосужившись посоветоваться об этом хотя бы с выборными представителями народа.

А Мария Владимировна тем временем неоднократно посещала Россию, где ее принимали на самом высоком уровне. Её же мать, дама в весьма преклонном возрасте, за несколько лет умудрилась посетить Россию больше тридцати раз. Чего не сделаешь ради единственного и любимого внука! Только тяжёлая болезнь и недавняя кончина остановили бурную челночно-дипломатическую деятельность Леониды Георгиевны, не имевшую, впрочем, никаких видимых результатов, кроме пресловутого ельцинского указа. Отставка Бориса Николаевича, по-видимому, стала серьёзным ударом по надеждам неугомонной грузинки.

А вот Марию Владимировну Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в 2003 году наградил орденом Святой равноапостольной княгини Ольги I степени. Как сообщал Московский патриархат, эту высокую награду Алексий II вручил великой княгине во внимание к её «заслугам перед Русской православной церковью, народом России и в связи с 50-летием со дня рождения».

Сейчас Мария Владимировна живёт в особняке в самом престижном районе Мадрида — Пуэрта-де-Йеро. Её имя часто мелькает в светской хронике, поскольку она общается с представителями испанской и европейской аристократии, в том числе и с членами королевских династий. Как отмечают испанские газеты, дочь бывшего главы Дома Романовых — человек общительный, демократичный, у неё самый широкий круг знакомых. Она, к примеру, постоянный участник благотворительных рождественских базаров, которые проводятся в испанской столице. Надев сарафан и кокошник, Мария Владимировна сама

продаёт матрёшки и другие сувениры из России. Надо же хоть как-то оправдать полученный орден!

Её сын Георгий вырос в Мадриде, учился в британском колледже, увлекался спортом, компьютерами и изучением истории Петровской эпохи. Помимо русского, английского и испанского, Георгий отлично говорит по-французски. Но всего этого явно недостаточно для того, чтобы претендовать на виртуальный российский престол.

И вот ещё на что следует обратить внимание. По международным правилам, присваивать титулы, дворянские звания имеют право лишь ЦАРСТВУЮЩИЕ монархи. Никто из наследников болгарского, румынского, сербского, итальянского и любого другого трона, находящихся в изгнании, не делает это, поскольку они понимают незаконность таких указов.

Поэтому указы Марии Владимировны о возведении в дворянство В. А. Солоухина, А. Закатова и других лиц не имеют никакой законной силы.

Увы, сейчас представители семьи Романовых имеют на российский престол ничуть не больше прав, чем представители других аристократических русских семейств. Ничего нового в такой ситуации для России нет. Когда на сыновьях Ивана Грозного пресёкся один из древнейших княжеских родов России, народ избрал на царство Бориса Годунова. Добром это, правда, не кончилось, поэтому после нескольких лет смуты знатные роды объединились и посадили на царство самого безбидного (и далеко не самого высокородного) шестнадцатилетнего Михаила Романова.

Кроме того, у нынешних Романовых есть серьёзные соперники. На трон они, правда, не претендуют, желают лишь получить принадлежащую им испокон веков недвижимость — Кремль.

Это не шутка. В августе 2010 года потомки Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого и других государей заявили о своих правах на Кремль. Многого им, правда, не надо: небольшие покои с правом круглосуточного доступа и возможность заботиться о памятниках старины — этого будет достаточно. По мнению Рюриковичей, история и закон на их стороне.

Важное уточнение: на покои Кремля претендуют не самозванцы, у истцов есть

соответствующие патенты, доказывающие их княжеское происхождение.

«Мы являемся наследниками все-славных Рюриковичей, которые создали Русь, Москву, построили Московский Кремль и его бесценные храмы, — говорится в исковом заявлении, поданном в арбитражный суд Москвы. — Мы не просим Кремль в собственность в полном смысле этого слова, но хотим, как потомки, ухаживать за памятником».

«Мы» — это члены фонда «Княжеский». Потомки исконной российской и татарской аристократии, правителей, как они сами себя позиционируют. Участниками фонда стали десятки особ княжеских фамилий. Кто-то открыто публикует в Интернете данные о себе, кто-то предпочитает не афишировать свои титулы. Откуда они появились, где прятались — бог знает. Мы же помним, что ещё совсем недавно в СССР не было ни одного дворянина, а массового приезда титулованных особ с Запада вроде бы не отмечалось.

А вот и ошиблись! Не так давно в Интернете появился следующий документ:

«Настоящим письмом сообщаем русскому народу и гражданам России, что с сего дня в Российской Федерации официально восстановлена династия Рюриковичей.

В соответствии с международными законами и по Воле Господа Бога Вседержителя во имя Святой Нерушимой Троицы Валерий Викторович Кубарев официально увековечен Рангом и Титулом Великого Князя и Принца Царской крови Валерием Викторовичем Кубаревым Большим Кубенским Рюриковичем 8 апреля 2009 года.

Отныне и навсегда Он будет являться Великим Князем Его Высочеством Валерием Викторовичем Кубаревым Большим Кубенским Рюриковичем.

Великий Князь Кубарев Валерий Викторович Большой Кубенский Рюрикович назначается Великим Сенешалем Августейшего Дома Рюриковичей.

Патенты и Указы № 0045-04/09 подписаны Великим Князем Августейшего Дома Рюриковичей Уго Норберто Кабрера, легализованы Министерством Юстиции Аргентины и признаны международным сообществом 12 мая 2009 года.

Великий Князь Августейшего Дома Рюриковичей Уго Норберто Кабрера принял фамилию Кубарев Большой Кубенский и объеди-

нил аргентинскую, испанскую и русскую ветви Августейшего Дома Рюриковичей Святой Руси».

Ну, уж если Аргентина так решила... Тем более великий сенешаль (старинный такой русский титул, о господи!) утверждает, что кремли никто никогда никому не дарил, не передавал, не продавал. Про государственную собственность — это нам большевики сказки рассказывали, на самом деле это была личная собственность каждого князя. Большая часть была переведена под московский княжеский престол. А все князья так или иначе родственники. Московский княжеский род пресекался, к тому же это младшая ветвь Рюриковичей. А старшая — это мы, ярославские князья! Кубенские, Голицыны, Гагарины, Курбские.

А Романовы вообще никогда не оформляли кремли в собственность. Они даже в Московском Кремле толком не жили, быстро построили свою столицу в Петербурге. Соответственно, они не удосужились оформить собственность на кремли. Да и где они сейчас, Романовы-то? И хотя сам сенешаль признаёт, что семью князей Кубенских вырезали ещё при Иване Грозном, князья Рюриковичи всё равно остались, потому что их охраняют высшие силы небесные.

Ну что тут скажешь? С высшими силами, естественно, не поспоришь, это всё-таки не Аргентина какая-нибудь. Осталось собрать Ассамблею князей, как предлагает претендент на Кремль, и выбрать нового монарха. Только и всего.

А может быть, действительно начать всё сначала — с Рюрика или хотя бы с его потомков? А столицу перенести обратно в Киев — мать городов русских. Уж если доводить ситуацию до абсурда, то, по крайней мере, законченного.

В конце концов, на призрачном Доме Романовых свет клином не сошёлся. Можно найти монарха и поэкзотичнее. Пригласить на Русь какого-нибудь потомка варягов, например. Или какого-нибудь немецкого принца — России не привыкать.

Было бы желание, а претендент на престол найдётся. ▣

Гроза

Александр Еланский

День выдался на удивление душным, хотя метеорологи пообещали, что возможна гроза. Что значит — возможна? Гроза — она или есть, или её нет. Так можно запросто сказать, что в конце августа возможен снегопад, с них станется! Чей хлеб едят, тунеядцы!

Но шутки в сторону, мой читатель, день был действительно чрезвычайно душным! Деревья, трава на газоне — всё испускало испарения. В воздухе стоял запах зелени, густой и почему-то ядовитый. Словно небо высасывало яды из земли, годами скапливающиеся в ней не без помощи людей. Зачем это надо было небу, никто не знал. Даже асфальт плавился под горячим солнцем и распространял вокруг себя запах смолы, нефти, серы и ещё какой-то гадости...

Была среда, но многие горожане просто томились от безделья. Кто-то сидел дома у распахнутого настежь окна и смотрел телевизор, кто-то отправился побродить по улицам в поисках развлечений, а больше поглазеть на прохожих и потолкаться у лотков с товарами. Было замечено, что некоторые из шляющихся по Москве в тот день ели мороженое, но никаких антиправительственных выкриков не наблюдалось. Поэтому, хотя милиция была настороже, палками по голове любителей мороженого не била. В точнейших данных ФСБ «Внутренний отдел» сообщалось «разное». На углу Тверской и Столешникова переулочка был замечен гражданин, державший в руках сразу три порции мороженого и очень смахивающий на террориста, хотя явно не араб. Бдительный милиционер Василий Аляпко на протяжении трёх кварталов шёл по пятам за владельцем трёх порций мороженого, убеждённый, что к террористу вот-вот присоединятся сообщники, и обязательно с бомбой. Но, увы, преследуемый оказался опытным конспиратором. Одно за другим, он съел всё мороженое, уничтожив таким образом доказательную базу возможного следствия. Ловко и незаметно (Василий явно проморгал) избавился от бумажных обёрток и, походив по Тверской ещё минут

десять, исчез в зеве станции метро «Пушкинская», с его многочисленными переходами, спусками и лавочками — стопроцентными местами тайных явок.

Об исчезновении «террориста» было доложено начальству «куда надо». Там, «куда надо», задумались.

К трём часам дня обстановка в городе накалилась до предела. Наиболее дальновидные члены Государственной думы покинули город, выехав в свои загородные резиденции якобы для встречи с избирателями. И там затаились. Члены правительства, не посмеявшие покинуть свои рабочие места, велели персональным шофёрам держать двигатели машин прогретыми, чем в немалой степени удивили водителей. Это в такую-то жару?! Но ни один двигатель своего автомобиля так и не прогрел. Надо ли говорить после этого, в какой стране происходило дело? На все звонки, осаждавшие столичные аэропорты, один и тот же металлический голос отвечал: «Все рейсы из Москвы отменены в связи с надвигающимся грозовым фронтом».

Гроза пришла с востока. Сначала стих ветер, потом вроде потянуло чем-то влажным и свежим, точно никто не понял. Гроза даже не пришла, а подкралась, как чёрная кошка подкрадывается к несчастной зазевавшейся мышке.

Сначала небо потемнело, двигаясь на город и набирая силу, тучи густели, становилось сумрачно и как-то нехорошо на душе. Воздух повлажнел ещё больше и наполнился странным запахом неведь откуда взявшегося миндаля с привкусом медной монеты во рту. Он вибрировал, давил на барабанные перепонки, словно предупреждая, а может и запугивая: вот сейчас, сейчас всё начнётся. Но ничего не начиналось. Тучи, низко стелясь, продолжали наплывать на город. Магнитные линии земли, вопреки всем законам природы, скручиваясь в тугие спирали, заструились вдоль улиц и растеклись в щели между домами, вселяя в людей сумятицу и испуг. Приближение грозы не порождало в них чего-то необычного, а тем более восторга,

наоборот, оно настораживало и пугало. Даже деревья, и те словно съжились невесть отчего.

Но вот где-то далеко полыхнула молния, потом с той же стороны донёсся слабый отзвук грома, и вдруг через минуту резкий порыв ветра взметнул пыль на тротуарах, и жалобно заскрипели прогнувшиеся в низком поклоне деревья.

Внезапно где-то почти рядом по всему небу полыхнула молния, а через секунду — о ужас! — со страшным грохотом небосвод треснул пополам. Оглушающий гром потряс огромный город от крыш домов до оснований фундаментов. Казалось, вот-вот — и дома рухнут, расколется земля под ногами и разбежится мелкими щелями во все стороны. И тут крупный, с голубиное яйцо, град, прогибая под собой тротуары и мостовые, яростно забился о землю. Вслед за ним по асфальту застучали капли дождя, вздымая водяной вихрь пыли, порождая ручьи, которые тут же, пенясь и извиваясь, поползли в разные стороны, заполняя собой всё, что только можно, и захватывая всё новые и новые территории. Дождь всё усиливался, казалось, там, на небесах, что-то случилось. Мысль о том, что эта гроза никогда не кончится, не покидала жителей города. Уже несколько молний ударило в жилые дома, где-то погас свет, а в районе Свиблово в одном из домов возник пожар, и туда промчалось несколько пожарных машин.

Стихия бушевала уже не менее часа, когда из-за дальнего леса появилась огромная чёрная туча, двигавшаяся впереди остальной стаи таких же чёрных туч, только поменьше в размерах. Она медленно проползла над городом и наконец достигла самой высокой его части — Останкинской телебашни. Зацепившись за её вершину одним из своих щупалец, туча, словно гигантский осьминог, стала поглощать башню, двигаясь вниз, к её основанию. Вдруг внутри тучи ярко сверкнула молния, раздался страшный треск, загудела земля, а в окрестных домах, разом треснув, из окон полетели стёкла. Молния со страшной яростью ударила прямо в сердце телебашни, огонь ворвался внутрь, и там запылал пожар. Горело всё: дерево, пластмасса, горело, кажется, даже железо башни, распространяя вокруг себя удушливые смертельные газы. Столб пламени ударил наружу, превращаясь в белый дым, пахнувший серой. А туча, сделав своё чёрное дело, стала огромными лохматыми кусками отрываться от своей жертвы и, цепляясь за крыши домов, медленно удаляться в сторону Тёплого Стана и Ясенево. С Воробьёвых гор было видно, как её часть зацепилась за колокольню Ивана

Великого, потом, спасаясь от неё, обезлюдела Манежная площадь, часть Тверской, а на Арбате народ в ужасе волной откатывался вниз, к зданию Министерства иностранных дел, в котором парадные двери были почему-то забаррикадированы. В министерстве решили, что в городе начался бунт. В воздухе носилось «измена», «нас предали», но кто кого предал и кто кому изменил, было непонятно. Неизвестно по какой причине, но в здание министерства не попала ни одна молния, более того, дождь вообще до него не дотронулся — настолько велика Москва. Вот почему служащие министерства ополоумели при виде катящейся к их зданию неистовствующей толпы жителей города.

Уже стемнело, хотя до ночи оставалась ещё уйма времени. Проплывая мимо крыши одного из домов на Болотной улице, одна небольшая тучка почему-то вдруг задержала своё движение и вытянула лохматую чёрную лапу прямо в сторону чердачного окна, и... по этой самой чёрной лапе с чердака на тучу не спеша, как ни в чём не бывало, прошествовала огромных размеров чёрная кошка. Глаза её светились ярким зелёным огнём. Главное же в этой истории то, что чёрная кошка, ступив на тучу, исчезла из дома на Болотной и больше никогда там не появлялась.

Вслед за её исчезновением наступило затишье, но какое-то гнусное, давящее, словно... ну, жди подвоха. А тучи всё продолжали висеть над головой, будто примеривались, не наделять ли ещё какой-нибудь пакости. Где-то редко-редко, но угрожающе падали тяжёлые капли, скрипело болтавшееся на весу железо, откуда-то из подворотни или подвала через равные промежутки времени раздавались печальные вздохи, словно домовой, или какая другая нечисть, грустил о ком-то...

В ночь, последовавшую за грозой, не произошло ни одного ограбления, ни одного убийства, что было так неестественно для Москвы. А потом всё встало на свои места, жизнь потекла, как ей и полагалось. Аресты нескольких бродяг и снятие отпечатков пальцев у некоторых подозрительных лиц так ничего и не прояснили в отношении поджога телебашни, поэтому всё счастливо списали на грозу. Туда же «списали» и деньги, выделенные на ремонт одной из главных достопримечательностей столицы. О чёрной кошке никто не проронил ни слова, жильцов дома на Болотной улице почему-то забыли допросить, впрочем, они вряд ли что-нибудь смогли бы объяснить, и вряд ли им кто-нибудь поверил бы. В общем, всё пустили на самотёк... ▣

Когда горы заснут

Михаил Кликин

Время «Ч»

Человек не помнил, когда появились чудовища. Он не помнил, что это за место и как он здесь оказался. Человек даже имени своего не помнил. Но странные провалы в памяти ничуть его не беспокоили. Человек был занят выживанием — и ничто другое не могло отвлечь его от этой исключительно важной задачи.

Необычайно яркий и острый звук заставил его крепче прижаться к горячей крыше невысокого сарая. Затаив дыхание, он осторожно прополз вперёд по волнистому шиферу, прислушиваясь, не повторится ли шум, и заглянул вниз.

Там стояло чудовище.

Оно мало чем отличалось от обычных людей, но человек видел то, что обычным людям было недоступно: чёрная аура обволакивала таящуюся внизу зловещую фигуру, смутно различимые алые зёрна пульсировали под черепной коробкой монстра, кургузые пальцы время от времени удлинялись и превращались то в когтистые щупальца, то в пучки тонких жгутиков.

Человек перестал дышать, крепко сжимая скользкую рукоять кухонного ножа, и, зависнув над головой чудовища, начал медленно сползать с края крыши. Он был похож на питона, готовящегося броситься на жертву с высокой ветви.

Человек знал, что чудовища меньше всего ожидают нападения сверху.

Старый шифер предательски треснул.

Монстр отшатнулся, вскидывая руки, но это уже не могло его спасти. Человек рухнул на чудовище, сбил его с ног, в падении воткнул нож в короткую голую шею, провернул лезвие в ране и выдернул его, выпустив струю чёрной и тяжёлой, как нефть, крови.

Оба свалились на землю: охотник, ставший жертвой, и жертва, превратившаяся в охотника.

Кровь растекалась лужей, смешиваясь с горячей пылью.

Поверженное чудовище умирало, но обливающийся потом задыхающийся человек будто не заме-

чал этого, с дикой исступленной яростью продолжая терзать вздрагивающее тело монстра.

Потом, когда чёрная аура растаяла, а алые зёрна погасли, человек отступил. Он подобрал лежащий у поленницы топор, залёг в канаве и оглядел окружающие строения.

Пока всё было тихо.

Но человек точно знал: чудовища здесь, близко, они повсюду. Он знал: чудовища ищут его, и потому он должен найти их раньше.

«Баня», — вспомнилось вдруг.

Нужно было идти туда. Зачем, для чего — человек не помнил. Было только ощущение важности, необходимости, правильности.

«Баня!»

И он пополз вперёд.

Семь дней до...

Баня была готова, но они не торопились уходить с открытой веранды. Полотенца и чистое бельё стопкой лежали на краю стола, два эмалированных таза стояли возле входа, два дубовых веника валялись под лавкой. Небольшой пузатый телевизор, вынесенный из комнаты, опять тревожно о чём-то вещал, и они одновременно потянулись за пультом, чтобы прибавить громкость.

— Уже четвёртый случай, — негромко сказал он, глядя на экран.

— Мы могли оказаться там, — тихо заметила она.

— Теперь не жалеешь о переезде? — он взял её за руку.

— Давно уже не жалею, — улыбнулась она, но лицо её выражало страх. — Здесь тихо. И ты каждый вечер дома.

— Мы могли оказаться там, — повторил он её слова, слушая скупую речь диктора.

— Это болезнь? — спросила она, отворачиваясь от ужасной телевизионной картинки. — Помешательство? Они все сошли с ума?

— Похоже на кино, правда? — нахмурился он. — Есть такой фильм — «Безумцы». Отдельные жители американского городка теряют разум и начинают убивать родственников и соседей.

— Если бы мы оказались там... — она поёжилась, — возможно, ты бы меня убил.

— Или ты меня.

— Ужасно... — она выключила телевизор и повторила: — Ужасно... — но вечер был уже испорчен.

— Забудь, — сказал он. — Выкинь из головы. Это безумие случилось лишь в крупных городах. Здесь нам ничто не угрожает.

— Но там мои подруги, — напомнила она, указывая на серый экран телевизора. — И твои друзья.

— Там прошлое, — сухо проговорил он. — И не самое доброе.

Самовар остывал, остывал дом, остывало небо, и остывала земля. Со стороны невидимых сейчас гор тянуло свежестью — это холодный воздух сползал в долину с далёких скалистых склонов. Примерно через полчаса, когда совсем уже стемнеет, недолгий шквал взметнёт пыль, взобьёт кроны деревьев, ударит в окна, сшибёт припозднившихся птиц — и уляжется, успокоенный. В это время года здесь каждый вечер заканчивался так — местные говорили, что это горы вздыхают, засыпая.

— Тебе не скучно? — вдруг спросила она. — Не скучно на новой работе?

Он удивлённо посмотрел на неё и ответил, пожимая плечами:

— Нет, конечно же. Я не скучаю. Ребята весьма любознательные, на уроках задают много вопросов, и иногда получаются интересные беседы. Вчера договорился с директором насчёт зала, с пятницы начну вести секцию самообороны.

— Научишь школьников убивать врага голыми руками?

Он нахмурился, улавливая нотки знакомого недовольства в её голосе. Встал, зашёл ей за спину, слегка приобнял, положил руку на мягкие волосы и вздохнул:

— Зачем ты так говоришь? Это из-за телевизора? Ты же знаешь, с прошлым покончено. Я теперь обычный обыватель, сельский учитель, очкастый интеллигент. У меня свой домик, небольшое хозяйство, красавица жена... Что ещё простому человеку для счастья нужно? — затем резко выпрямился и хлопнул в ладоши: — Хватит киснуть! Пойдём в баню, пока она не остыла! В парилке, наверное, под восемьдесят уже. Сегодня я тебя пересяжу — точно говорю!

— Ты каждый раз так говоришь, — слабо улыбнулась она.

Он услышал негромкий металлический стук и успел заметить неясное движение за окном. Рефлексы, как и раньше, оказались быстрее разума: схватив со стола кухонный нож, он приготовился дать отпор ночным гостям. Но двумя секундами позже, разглядев подходящих к веранде людей, понял, что любым сопротивлением подпишет смертный приговор себе и своей жене и, выронив нож, медленно поднял руки.

Красные точки целеуказателей дрожали на его груди.

— Добрый вечер, Олег Иванович, — обратились к нему из вечернего полумрака.

Высокий человек, одетый в песочного цвета камуфляж, вышел в свет садового фонаря и, чуть помедлив, будто позволяя себя рассмотреть, встал на скрипучее крыльцо. Улыбнулся напряжённому хозяину, кивнул побледневшей хозяйке и сказал:

— Не хотел вас так пугать. Вы уж извините меня за поздний визит, — в опущенной руке он держал пистолет. Простой сельский учитель вряд ли его опознал бы — это был итальянский «Бенелли». — Дело в том, что нам срочно понадобился учитель информатики и английского языка. Добрые люди подсказали, где его найти... Вы не откажете в небольшой консультации, Олег Иванович? Очень просим!

Три дня до...

Скорей всего, это была база отдыха, в советское время принадлежащая какому-то из местных, теперь уже разорившихся заводиков, а возможно и детский лагерь. Разруха и запустение царили на его территории — прогнившие бараки по самые крыши заросли крапивой и лопухами, асфальт дорожек растрескался и вспучился, бетон столбов и постаментов раскрошился, будто слоистая халва, оголив ржавые петли арматуры. Спортивная площадка превратилась в болото, в глубокой чаше фонтана тянулись к свету чахлые берёзки, дощатая трибуна циклопических размеров провалилась сама в себя и стала похожа на остов доисторического чудовища. Лишь несколько кирпичных зданий не поддались действию непогоды и времени — за ними, кажется, изредка ухаживали. Да металлический забор, щедро увитый колючей проволокой и ещё более щедро обвешанный маскировочной сеткой, выглядел почти как новый — наверное, он и был новым: вряд ли советских пионеров или отдыхающих трудяг огораживали глухой трёхметровой стеной с «колючкой».

За несколько дней Олег успел изучить почти всю территорию лагеря, не углубляясь, впрочем, в совсем уж дремучие дебри, дабы не тревожить

раньше времени постоянного сопровождающего из числа бандитов. Особых препятствий Олегу не создавали: ему лишь было запрещено выходить за ограду. Внутри же периметра свободу его практически ничто не ограничивало. Он как-то раз даже обедал вместе с бандитами — когда они после бани жарили шашлык, используя в качестве мангала длинные корыта умывальников. На него посматривали косо и недобро, но прочь не гнали — только разговоры в его присутствии стали более осторожными, русских слов он почти не слышал. Тогда же удалось Олегу посмотреть и местные новости (телевизор ловил местную программу на обычную комнатную антенну), из чего он понял, что не так уж и далеко увезли их с женой от райцентра. Дорогу Олег помнил смутно — от дома его, слегка побитого и помятого, увозили в багажнике. Он только успел увидеть, как Татьяну, его жену, усаживают на заднее сиденье старой «девятки». А потом ему закрыли глаза, далидохнуть какой-то вонючей гадости, и он потерял всякое представление о времени, хоть и оставался вроде бы в сознании — частично.

Повязку он снял сам, когда пришёл в себя. Морщась от головной боли, осмотрел незнакомое помещение: решётки на грязных окнах, оклеенные рыжей миллиметровкой стены, оббитая фанерой дверь, засиженная мухами лампочка, два хлипких табурета, тумбочка, койка... На подоконнике сидел обряженный в камуфляж громила и кончиком ножа вычищал грязь из-под ногтей.

— Где моя жена?

Громила только поскрёб бороду и отвернулся. Даже учителю английского языка и информатики сразу стало бы ясно, что надзирателю в переговоры с похищенным вступать запрещено.

И Олег решил ждать.

Не прошло и часа, как за ним пришли.

А к вечеру, ознакомившись с документами своего предшественника, Олег уже отлично понимал, в какую нехорошую историю вляпался. Милая доброжелательность главаря банды могла бы обмануть провинциального учителя, но Олег обещаниям бандита не поверил — он знал, что живым из этого лагеря его не выпустят.

— Помогите нам, Олег Иванович, — ласково просил главарь, поигрывая пистолетом «Бенелли». — Чем скорее вы закончите, тем быстрее мы вас отпустим. А о жене своей не беспокойтесь. Она в полной безопасности, и в большем комфорте, чем мы с вами. Ваша жена — наша страховка. Ведите себя благо-разумно, и с ней всё будет в порядке...

— Я хотел бы знать, что случилось с моим предшественником, — спрашивал Олег на следующий

день, гадая, знают ли похитители о том, что написано в англоязычных дневниках, к которым он получил свободный доступ.

— В этом нет секрета, — разводя руками, признавался собеседник. — Это был наш человек. Но одна маленькая оплошность убила его и двух моих людей. Будьте осторожны, работая с материалом, Олег Иванович. Не повторяйте чужих ошибок.

«Материалом» бандиты называли стальные пузатые контейнеры, формой напоминающие тыквы. Их блестящие бока когда-то были промаркированы тёмно-синей краской, но шлифовальные круги сточили все надписи, по недосмотру пощадив несколько букв и непонятных знаков, похожих на восточные иероглифы. К маковкам металлических тыкв надёжно приросли чёрные ребристые нащёпки электронных замков. На каждом — три светодиода, разём с семью контактами, две серые кнопки и крохотный сегментный индикатор. Одолеть эту электронику и предлагалось Олегу Ивановичу — учителю информатики и английского языка. В помощь ему давалось всё хозяйство предшественника: три коробки с бумагами, два ноутбука, стопка компакт-дисков, электронный ключ и набор смарт-карт.

— Научите нас открывать эти штуки, — говорил бандит, которому Олег уже дал прозвище Бенелли. — Нам нужно, чтобы они программировались на автоматическое открытие в заданное время. Наш технический специалист не успел поделиться своими знаниями, да и не очень-то к этому стремился. И его нечаянная смерть, прямо скажу, поставила нас в весьма затруднительное и щекотливое положение — мы ведь люди простые, университетов не кончали, с такой техникой работать не умеем. А у нас есть некоторые обязательства, и мы не можем подвести заказчика. Понимаете, Олег Иванович? Конечно же, понимаете! Не можем! А это значит, что и вы не можете подвести нас...

Два дня Олег только и делал, что разбирал бумаги, среди которых оказалось огромное количество невнятных инструкций на странной версии английского языка, да просматривал файлы, доступ к которым открывали смарт-карты, ключ и по-детски наивно зашифрованные пароли, написанные на жёлтых и красных стикерах.

В некоторые закрытые разделы диска, впрочем, Олег так и не сумел забраться, но это не слишком его заботило — и без того информации было больше, чем он мог усвоить.

На одном из ноутбуков Олег нашёл подборку материалов о чудовищных событиях последних двух месяцев, всколыхнувших весь мир. Триста гигабайт видеороликов, аудиологов, фотоснимков, сканов

газет, скринов веб-сайтов, всевозможных текстов — все файлы были тщательно разобраны, поименованы, снабжены комментариями, пометками и перекрёстными ссылками — тот, кто проделал эту работу, словно отчёт готовил.

Олег просмотрел несколько документальных роликов, похожих на те, что уже видел в Сети: резня в школьном дворе, ужасная бойня у станции метро «Комсомольская», смертельная автомобильная давка на Кутузовском — обезумевшие люди, рвущие друг друга на куски, озверевшие, потерявшие человеческий облик обыватели: офисные работники, менеджеры, бизнесмены, домохозяйки...

«Это болезнь? Помешательство? Они все сошли с ума?..»

Танин голос так ясно прозвучал в его голове, что он вздрогнул и обернулся. Стоящий у двери соглядатай встретил его взгляд, нахмурился и шевельнул дулом автомата.

— Это похоже на кино, — тихо произнёс Олег.

«Если бы мы оказались там... возможно, ты бы меня убил». — «Или ты меня...»

Он закрыл ноутбук.

Он должен был что-нибудь придумать.

Один день до...

На этот раз Бенелли пришёл сам.

Немного сутулясь, он по-хозяйски шагнул в холодное каменное строение без окон и с единственной дверью, которое Олег называл лабораторией. Раньше, скорей всего, это был продуктовый склад-холодильник — он и стоял-то в пятнадцати метрах от длинного барака с облупившейся надписью «Столовая» на фасаде. Здесь, в лаборатории, на бетонном полу под брезентом хранился «материал» — никак не меньше сотни баллонов. Работать с ними Олегу запретили, даже приближаться к ним ему не позволяли. Все свои эксперименты он проводил на трёх тыквообразных контейнерах, помеченных красным кругом. Они, будто цветочные горшки, были водружены на сваренные из ребристой арматуры треножки — эта композиция называлась стендом, а баллоны считались учебными.

— Как дела? — спросил Бенелли. Даже по голосу чувствовалось, что он чем-то сильно раздражён.

Здоровяк-охранник вскочил, опрокинув складной шезлонг, и вытянулся по стойке смирно.

— Плохие новости, Олег Иванович, — не дожидаясь ответа на свой вопрос, объявил Бенелли. — Вы должны ускорить свою работу. Результат нам нужен через три дня.

— Но я ничего не могу гарантировать, — Олег медленно повернулся. — Кажется, уже много раз говорил об этом. Я просто учитель, а здесь военная техника непонятного назначения и неизвестно чьего производства.

— Зато у вас очень хорошая мотивация, — добавил Бенелли. — Такая же хорошая, как у меня самого. Думаю, вы всё же справитесь.

Олег пожал плечами и вернулся к работе. Подключив ноутбук к интерфейсу электронного замка, он в очередной раз считывал инженерные коды и пытался их расшифровать.

— Ваша жена просила передать вам привет, — как бы между прочим произнёс Бенелли.

— Спасибо, — ответил Олег, листая замасленную брошюру с таблицами кодов.

Минут на пять в лаборатории установилось напряжённое молчание.

Олег не выдержал первый.

— Как она там? — спросил он, откладывая брошюру.

— С ней всё хорошо, — недобро улыбнулся Бенелли. — Думайте не о ней, а о своей работе.

— Да я только об этом и думаю! — раздражённо бросил Олег.

Ноутбук пискнул. Олег посмотрел на монитор, потёр лоб, квитирировал появившееся на экране предупреждение и, сверяясь с потёртой и помятой распечаткой, ввёл нужную последовательность команд. Один из светодиодов на корпусе замка моргнул и сменил цвет с зелёного на жёлтый — контроллер перешёл в режим программирования.

— Отлично! — не сдержал он радости.

— Что? — тут же подался вперёд Бенелли. — Получилось?

— Кое-что начало получаться, но говорить о каком-то успехе рано.

— Три дня, учитель! — напомнил Бенелли. — Три дня!

— Послушайте, — повернулся к своим похитителям Олег. — Давайте играть в открытую. Я знаю, что за вещество находится в ваших контейнерах, и догадываюсь, как вы собираетесь его использовать. А вы, видимо, знаете, что я всё это теперь знаю. Уверен, что вы убьёте меня, когда я закончу работу, — независимо от её результата. И жену мою вряд ли пощадите. И я задаюсь вопросом: ради чего я помогаю вам? Почему должен стать соучастником очередного вашего преступления? Таким же убийцей, как и вы...

— Кажется, вы собираетесь торговаться, Олег Иванович? — хмыкнул «Бенелли». — Вот уж не ожидал. А впрочем... Вы ведь не очень давно здесь, да? Раньше жили в Москве? Это заметно по вашему

говору — я хоть университетов и не кончал, но в университетах учился. Да-да, мы с вами, можно сказать, земляки. Я двадцать лет прожил в столице. Изучал, так сказать, врага изнутри... Значит, хотите играть в открытую? Пожалуйста! Да, в скором времени мы планируем очередную акцию. Да, мирные люди погибнут, но они постоянно гибнут, тысячами, как лемминги. Планировал ли я убить вас после того, как вы закончите работу? Скорее да, чем нет. Вашу жену? Скорее нет, чем да... Как мы можем принудить вас к сотрудничеству? Попытками и угрозой страшной смерти, обещаниями отыскать всех ваших родственников. Этого разве недостаточно? Что ещё вы хотите знать? Спрашивайте.

— Зачем вы это делаете?

— О, это очень непростой вопрос, Олег Иванович. Лично я этим занимаюсь исключительно ради самого себя: мне уже обещана высокая должность в некоем государстве на побережье Африки и круглая сумма наличностью и золотом. А те, кто стоит за нами... У них свои цели... Политические. Финансовые. Военные. И, даже страшно сказать, научные.

— Что это за газ?

— Вам назвать формулу? Способ производства? — рассмеялся Бенелли. — Для меня, Олег Иванович, это не газ. Это просто материал.

— Откуда он у вас?

— А вы знаете, что такое грант? Так вот, я и моя команда в долгой и кровавой борьбе выиграли очень большой грант. И теперь те люди, что выбрали меня, требуют своего.

— Вам вот так запросто передали это оружие?

— Запросто? — мотнул головой, саркастически улыбаясь, Бенелли. — Передали? Нет, конечно! Длинная цепь тщательно спланированных случайностей, чтобы никто ничего не мог заподозрить, — и материал оказался у меня, здесь, на этой территории. Думаете, почему я не могу вызвать ещё одного технического специалиста вместо погибшего? Да потому что люди, устроившие мне доступ к материалу, обрубали все концы.

— И кто эти люди?

— Откуда мне знать, Олег Иванович! Вы что, смеётесь надо мной?! Думаете, я какой-то там мировой воротила? Мне лишь на секунду позволили заглянуть под уголок огромного одеяла, под которым идёт такая возня, что вся планета содрогается... И я, знаете ли, теперь не уверен, что буду жить в этой своей Африке. Возможно, мы с вами сейчас находимся в одинаковом положении. У меня, впрочем, есть план...

— Да, план обычно есть у всех, — негромко проговорил Олег.

— Что?

— Нет, ничего... Просто... — Олег вернулся за клавиатуру ноутбука и сформировал управляющий код. — Я подумал тут, а почему бы вам просто не взорвать эти баллоны? Можно их распилить, в конце концов. Зачем вам нужен я? Зачем вся эта возня с электроникой, с замками?

— А вы разве не знаете? — искренне удивился Бенелли. — У вас же куча документации — там должно быть написано, что материал защищён от подобного грубого вмешательства. Повреждение внешней оболочки приводит к уничтожению материала. Это какая-то химия, что ли, температура внутри мгновенно поднимается, и газ разлагается.

— Да... — вспомнил Олег. — Читал что-то такое... Там очень странный язык. Похожий на английский. Но другой...

— В цивилизованном мире химическое оружие запрещено, — заметил Бенелли. — Все разработки ведутся в странах третьего мира. Под контролем, конечно же, тех, кто даёт на это деньги. Вы думаете, почему американцы убили Саддама, и какое такое оружие они искали в Ираке?

— Высокая температура... — пробормотал Олег, уже не слушая словоохотливого собеседника. — Да-да... Я же читал... Это такая защита...

— Что? — не сразу понял его Бенелли. — А, ну да. Защита, если кто-то непосвящённый полезет туда, куда ему не положено. А ещё эти электронные нащёпки посылают сигналы своим хозяевам. И те контролируют, где находится материал, сколько его было использовано, когда сработали замки и чёрт знает что ещё. Потому открывать контейнеры нужно только так, как велит инструкция, — это одно из условий сделки. А мы, чёрт побери, лишились единственного человека, кто умел это делать.

— Что же с ним случилось?

— Ондохнул газа.

— И? — Олег нажал клавишу ввода.

— И убил двух моих людей.

— Вы его застрелили?

Ноутбук пискнул.

— Нет. Те двое тоже надыхались. Они разодрали друг друга в мясо. Мы их трупы даже растащить не смогли, так они сцепились.

Светодиоды на чёрной нащёпке погасли. На сегментном индикаторе засветились цифры, и пошёл обратный отсчёт: 10, 9, 8...

— Что это? — спросил Бенелли, подавшись вперёд и вытянув шею. — Ты сумел, да? Смог?!

— Кажется, да, — тихо ответил Олег, не зная, может ли сейчас радоваться. — Открывать их я вроде бы научился. Но как настроить таймер, даже не представляю.

Чёрная нашлапка треснула. На сегментном индикаторе загорелся «0».

Десять часов до...

Странный человек был этот Бенелли. Совсем не похожий ни на расчётливого террориста, ни на равнодушного убийцу. Он выглядел как бизнесмен средней руки, вёл себя словно герой шпионского боевика, говорил как выпускник МГИМО. Причудливо, должно быть, сложилась его судьба, раз теперь он занимается тем, чем занимается.

А вот люди, что его окружали, выглядели обычными бандитами...

Олег покосился на своего охранника. Тот зевал — ночь у них обоих выдалась бессонная, трудовая, они провели её в лаборатории — Олег копался в файлах и бумагах, так и этак двигая разложенные на полу документы, словно пасьянс из них складывал, а приставленный к нему бородатый здоровяк шумно боролся со сном, иногда ненадолго затихая.

Под утро пасьянс окончательно сложился...

Олег ещё раз всё внимательно оглядел, бегло перечитал не по-русски написанные строки, ещё раз всё обдумал, отыскивая слабые места в своём плане.

«...в малых концентрациях — тревога, страх, тоска, злоба. Полное расстройство личности, психоз — галлюцинации, бред, помрачение сознания, немотивированная агрессия, неистовая злоба, полная трансформация психики...»

«...физические свойства... бесцветен, не имеет запаха... фазовая диаграмма... сжижение... абсорбция... быстро разлагается при температурах выше 140 по шкале Фаренгейта... мгновенное разложение при температуре 167 градусов и выше...»

«...программирование контроллера осуществляется... консоль управления... во время авторизации генерируется 128-битовое слово... ответный сеанс со станцией... раунд шифрования... подтверждение пароля...»

Он понимал, что не сумеет выполнить поставленную перед ним задачу, не сможет запрограммировать контейнеры с «материалом» на открытие в определённое время. И не только потому, что это было технически очень сложно, а в данных обстоятельствах практически невозможно. Нет. Проблема была не в технике. Основная проблема крылась в нём самом — теперь он боялся ответственности. Его в дрожь бросало от мысли, что он может стать соучастником страшного преступления, и он не планировал продолжать работу, чем бы там ему ни угрожали.

Пора было ставить точку...

Олег смешал бумаги, встал и потянулся, хрустя суставами.

Он мог сейчас в две секунды расправиться с зевающим, потерявшим всякую бдительность охранником, завладеть оружием, вступить в перестрелку с бандитами, не подозревающими о боевом опыте очкастого учителя английского языка... Но Татьяна... Танечка... Танища...

Нет, действовать нужно иначе. Хитрей. И надёжней.

Он не зря прожил эту бессонную ночь. У него был план.

Олег понимал, что шансов выжить у него немного. Но он собирался спасти свою Татьяну.

А с ней — и сотни незнакомых ему людей.

Семь часов до...

Просить встречи долго не пришлось. Олег лишь сообщил охраннику, что хочет увидеть главного, и уже через десять минут Бенелли принимал его в своих апартаментах.

— У меня хорошие новости, — с ходу сообщил Олег, цепко осматривая помещение, в котором ему ещё не приходилось бывать. — Я, кажется, разобрался с таймером.

— Отлично, Олег Иванович, — поднялся с продавленного низкого кресла Бенелли и протянул обе руки «гостю». — Я, когда только вас увидел, сразу понял, что с задачей вы справитесь.

— Ну, я ещё не совсем справился...

— Но и время у вас пока есть.

— Это да...

Они помолчали, внимательно осматривая друг друга и сдержанно улыбаясь, — совсем как два оскалившихся хищника. Вспомнив, что он обычный учитель, Олег первый опустил глаза.

— Вы пришли, чтобы сообщить мне это? — спросил Бенелли.

— Да... — кивнул Олег. — Нет. Не совсем... Я... Я хочу поговорить...

— Поторговаться? О, я вижу, что сегодня вы настроены более решительно.

— Хочу попросить о свидании, — выпалил Олег заготовленную фразу. — Я должен увидеть свою жену и поговорить с ней наедине.

— Это невозможно, — качая головой, ответил Бенелли. Но Олега было уже не остановить.

— Мне нужно знать, что с ней всё в порядке. Я должен убедиться! Уверен, что вы не отпустите меня живым, так что считайте, что это моё последнее желание! Да, я ставлю вам условие, — он задрожал всем телом. — Ставлю ультиматум! И вы ничего от меня не получите, если не выполните мою просьбу!

Скрестив руки на груди, Бенелли внимательно слушал нервные вопли пленника и саркастически улыбался.

— Вы ни черта от меня не получите! — продолжал истерить Олег. — И ничего со мной не сделаете! Я знаю, что обречён! Мне уже не страшно! Вот сейчас пойду и повешусь! И гори всё синим пламенем! Ничего вы не сможете! Вы меня скрутите, а я откушу себе язык! Вены себе перепилю! Ничего не получите! Вы...

Бенелли медленно размахнулся и слегка шлёпнул Олега по скуле. Тот дёрнул головой и замолчал.

— Хватит паясничать, — сказал Бенелли. В глазах его читалось холодное бешенство. — Чего конкретно ты хочешь?

— Вы взяли нас, когда мы собирались идти в баню, — прохрипел Олег. — Я хочу в баню. С женой. Париться.

— Это и есть твоё последнее желание? — недоверчиво хмыкнул Бенелли. — И в чём тут подвох, учитель? Уж не надумал ли ты вместе с жёнушкой красиво уйти из жизни? Тогда ты должен знать: я решил отпустить её, если всё пройдёт гладко. Она ничего не видела, она ничего не знает и не представляет для нас никакой опасности — пускай живёт... Может, этот добрый поступок зачтётся мне на том свете... Так что ты подумай сейчас, Олег Иванович, всем своим высшим образованием подумай. Хорошо поразмысли. Не мы её убьём, если что-то пойдёт не так. Не мы. Ты...

— Я хотел бы получить гарантии, что её не тронут, — севшим голосом произнёс Олег. — Но понимаю, что гарантий быть не может.

— Верно. Кроме моего слова, никаких гарантий.

— Истопите баню. Устройте свидание с женой, — Олег снял очки, потёр переносицу пальцем. — А чтобы вы не подозревали обман, я проведу демонстрацию. Перед самым свиданием покажу вам, чего добился, объясню вкратце, как работать с материалом, чтобы сделать эту вашу проклятую часовую бомбу. Но потом дайте мне возможность попариться. Мне и моей жене. Только после бани я подготовлю полный отчёт. А уж тогда делайте со мной что хотите, но чтобы быстро, без мучений. Ладно? Я... — у Олега перехватило дыхание, он заморгал, выжимая слёзы из глаз. — Боюсь... Боюсь боли...

Долго, очень долго смотрел Бенелли на ссутулившегося, будто бы сломавшегося учителя, видимо, чувствовал какой-то подвох.

— Ну, хорошо, баню со свиданием мы вам устроим, — наконец сказал он. — Но не пытайся нас обмануть. Я распоряжусь, чтобы к тебе приставили

ещё одного сторожа. А баню, пока вы там паритесь, мои люди возьмут под охрану.

— Это пожалуйста, — легко согласился приободрившийся Олег. — Только интим не нарушайте. И вот ещё что: устройте нам холодное пиво, какую-нибудь закуску и пару веников, лучше дубовых.

— Наглеешь, — одобрительно хмыкнул Бенелли.

— Беру от жизни всё, — ответил Олег и надел очки.

Сорок минут до...

За подготовкой бани Олегу позволили следить лично. Он, впрочем, не слишком этим злоупотреблял: единственный раз попросил вооружённого до зубов истопника нагнать жару не только в парилке, но и в моечной, пояснив, что они с женой только так и моются — жена с детства к русской бане приучена, а он сам в студенческие времена, будучи участником сборной университета по шахматам, частенько посещал сауну на спортивной кафедре — так вот и привык.

Вернувшись в лабораторию, Олег ещё раз перевернул бумаги и занялся подготовкой стендов к последней демонстрации. Думал он, впрочем, совсем о другом, так что дело двигалось плохо. Смущали его и новые надзиратели, молчаливые смуглые близнецы с обритыми татуированными черепами, — очень уж серьёзно они относились к своей работе: ни на секунду не выпускали его из вида, далеко не отходили, оружие держали наготове. Олег попытался разговорить их, но тщетно — они лишь ещё больше помрачнели да стволы повыше подняли.

Помыкавшись по лаборатории какое-то время, Олег решил ещё раз прогуляться до бани, проверить, всё ли там идёт так, как было оговорено. Особенно его интересовало, сделали ли уже скобы под навесной замок на дверь парилки.

Услышав про эти скобы, Бенелли сильно удивился. Но Олегу удалось его убедить, что просьба эта вполне невинная и понятная: запертая дверь парилки должна была защитить Татьяну от возможных выходов одичавших бандитов.

— Я два месяца был на военных сборах, — наспуясь, говорил Олег. — И хорошо представляю, на что способны лишённые женского общества мужики, тем более такие, как у вас здесь. Не понимаю, что вам не нравится? Дверь же будет заперта снаружи. Вы лично закроете Татьяну в парилке и принесёте мне ключ...

Скобы уже стояли. Олег подёргал их и остался доволен. Придирчиво осмотрел и навесной замок, испятнанный ржавчиной, но щедро смазанный

свежим солидолом. Примитивный механизм можно было открыть куском проволоки или гнутым гвоздём, но Олег решил не заострять на этом внимание — откуда обычному учителю разбираться в устройстве замков?

Он заглянул в парилку — там уже было достаточно жарко. Под потолком теплилась лампочка, одетая в толстенное стекло водонепроницаемого плафона. Чистые стены — видно, что новые, — обильно потели смолой. Чуть слышно похрустывали разогревающиеся от электрических тэнов булжники — или это окалина слетала с бока железной печи?

Олег плотно прикрыл дверь.

После парилки мочная показала ему прохладной. Он присел на лавочку, сбитую из досок, зачерпнул воды из ведра с проволочной ручкой, плеснул на печь — клубы обжигающего пара ударили в низкий потолок. Один из бритых надзирателей закашлялся, закрывая рот ладонью, и отступил. Олег с усмешкой на него посмотрел и вернулся в раздевалку. Стальной кочергой открыл дверцу печи, разбил догорающие поленья, разворошил угли, напихал в полыхающее чрево дров, сколько влезло, и пробормотал, глядя на набирающий силу огонь:

— Устрою здесь маленький ад.
Ему не мешали.

Тридцать пять минут до...

На лужайке перед баней пятеро бандитов жарили шашлык. Это им, скорей всего, было поручено сторожить парящихся пленников. Но пока баня пустовала, они расслаблялись. Девять шампуров с мясом роняли сок в горячие угли. На раскладном столике горкой лежала зелень, стояли бутылки с минеральной водой и газировкой, большой пакет с кетчупом и блюдо с хлебом.

Олег не стал скромничать. Быстро и уверенно шагнул к мангалу, снял один из шампуров, со стола прихватил пучок зелёного лука и ржаную горбушку. И, вроде бы ненароком, задел открытую бутылку колы, ругнулся, когда шипящая газировка полилась на землю, неловко повернулся, зацепил ногой стол и смешно задёргался, растерявшись...

— Скажите главному, что всё готово, — поспешно сказал он поднимающимся со своих мест бандитам. И отступил, унося добычу — мясо на остром шампуре, зелень и краюху, меж которыми спрятался ловко прихваченный хлебный нож.

Его могли остановить.
Но его не остановили.

Двадцать минут до...

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы завершить подготовку. Теперь он был сосредоточен, и посторонние мысли не мешали его работе.

Жуя пахнущую дымком баранину, Олег обошёл стенды, погладив полированные бока каждой стальной тыквы, стоящей на железном треножнике, в последний раз проверил все соединения, статусы контроллеров, состояние программ и покосился на бритоголовых телохранителей.

Те настороженно следили за его действиями. Они, наверно, отлично понимали всю опасность опытов с «материалом». Вот бы задёргались, если бы узнали, что успел сделать пленник в короткие предрассветные минуты, когда уставший от скучного бдения надзиратель ронял голову на грудь и, всхрипывая, подрёмывал в разложенном возле двери шезлонге.

Не сдержавшись, Олег подмигнул голово-резам.

Да, он не зря прожил прошлую ночь.

Стальные тыквы, помеченные красными кружками, лежали сейчас под брезентом в общей куче. А на боках установленных на треножниках тыкв красных пометок не было.

Четыре минуты до...

Он несколько раз оставлял лабораторию и перебежал на сторону, откуда можно было видеть баню, — надеялся высмотреть Татьяну, хотя бы издалека, ему хотелось, чтобы и она его заметила. Но не повезло — он успел увидеть лишь её спину. Два человека затолкнули его жену в баню и вошли следом. Один из них был Бенелли — он задержался в проёме, не позволяя тугой пружине закрыть дверь, обернулся и что-то сказал отдыхающим на лужайке бандитам. Те сразу же подо-брались.

Олег зубами снял с шампура последний кусок мяса и высоко поднял руку, чтобы Бенелли его заметил.

Пока что всё шло по плану.

Дождавшись, когда Бенелли с товарищем выйдут из бани, он призывно помахал им шампуром и, развернувшись, быстро зашагал в сторону лаборатории.

Полторы минуты до...

Сканирование смарт-карты, нажатие двух клавиш, подтверждение команды — дело нескольких секунд.

Бритоголовые сторожа и понятия ничего не успели — чёрные нашлёпки на блестящих тыквах треснули по незаметным ранее швам, раскрылись,

словно бутоны, тихо и тонко засвистел вырывающийся на свободу невидимый газ.

Олег перестал дышать.

Он увидел, как изменились лица кинувшихся на него охранников. Они ещё не осознали, что произошло, и газ ещё не успел на них подействовать — они просто испугались.

Он убил их.

Это было несложно: бандиты находились слишком близко, и всё оружие, что висело на них, только мешало им. Первому близнецу Олег зажал шампур в глаз, второму ножом-хлебрезом вспорол горло и, стащив автомат с дёргающегося трупа, бросился к выходу. Оказавшись на улице, прыгнул влево — в дремучие заросли лопухов и крапивы, откуда можно было по стволу подгнившей у корня осинки вскарабкаться на плоскую крышу стоящего рядом сарая, прежде чем Бенелли с сопровождающим покажутся из-за угла.

Время «Ч»

Газ распространялся стремительно. Незримое облако безумия должно было накрыть территорию лагеря за 5–7 минут. Поднимать шум раньше не стоило — Татьяна всё ещё оставалась заложницей.

Олег не дышал полторы минуты. Больше не дышать уже не мог.

Почему-то он думал, что первый же вдох делает его кровожадным безумцем. Но нет — растворившийся в воздухе яд на него не подействовал.

Он видел, как из лаборатории вывалился окровавленный Бенелли, размахивавший пистолетом, будто молотком, и избивавший воющее существо, вцепившееся ему в глотку.

Олег поднял автомат. И тут же отложил его подальше — шуметь сейчас нельзя, кругом враги, нельзя выдавать себя.

Ведь в бане пряталась жена...

Приподнявшись, он жадно смотрел, как катаются по земле его мучители, совсем потерявшие человеческий облик и грызущие друг друга, будто бешеные псы.

Тихо! Нельзя шуметь! Эти бешеные теперь везде!

Отомстил! Отомстил!

Теперь они будут его искать! Ни за что теперь не отстанут!

Он сипел, задыхаясь от накатившей вдруг ненависти, корчась от страха и злобы.

Да он же не люди! Чудовища! Как он раньше этого не понимал?! Ждут, выскивают, стерегут...

А она в бане пряталась... Нож! Есть же нож! В бане... Резать! Рвать тварей! Баня... Рвать!.. Баня...

Десять минут после...

Из тёмного проёма вывалилось очередное чудовище, зарычало и, оскалась, выпустило когти.

Олег подобрал острый булыжник, взял его обеими руками, высоко поднял и тут же со всей силой опустил на морду неведомого монстра, мгновенно превратившуюся в мерзкую кашу.

Затем встал, весь дрожа от неконтролируемой ярости, и завыл, потрясая камнем. Мёртвые чудовища лежали на земле, и он, перешагивая через них, пошёл к маленькому домику. С чёрной крышей. С железной трубой.

Там было что-то важное. Ему нужно было попасть туда...

Олег всем телом налёг на дверь — она не поддалась. Ударил по ней кулаками — она даже не дрогнула. Он захрипел, заколотил руками, ногами, головой, ломая и срывая ногти.

Случайно зацепился за кованую ручку и потянул её на себя. Тугая пружина скрипнула, и дверь неожиданно хлопнула. Он встал, тупо глядя на неё, и открыл.

Пройти дальше мешала ещё одна дверь.

Он ударил по ней ногой, и она распахнулась. Олег кинулся вперёд, зарычал, заметался по тесной комнате, круша всё подряд. Ввалился в проём, обрушил на себя громыхающую жесть, упал в воду, обжигая руку о раскалённое железо, и закрутился на скользком полу, высматривая то, ради чего сюда стремился.

Пот струился по его лицу. Дыхание перехватывало.

Он увидел ещё одну дверь и, поднявшись, потянул её на себя. Покрытый слизью замок надёжно удерживал запертую дверь. Он вцепился в замок и, дёргая, повис на нём. Бесполезно! Тогда Олег поднял тяжеленную скамью и швырнул её в дверь, себя — тоже. И бился, бился, бился в неё, сотрясая избу, задыхаясь от ярости и жара.

Потом вдруг упал. В ушах звенело, перед глазами кружились чёрные мухи, что-то быстро и неровно пульсировало в груди.

«Возможно, ты бы меня убил».

Олег замер, прислушиваясь к внутреннему голосу. Ярость угасла, проснулась боль, и ему стало очень страшно. Он потянулся к ведру, в котором было немного воды. И вдруг вспомнил: «Ключ!»

Глаза его закатились, он захрипел, пытаясь подняться на вдруг ослабевших руках, пытаясь совладать с нахлынувшими воспоминаниями, мыслями, но потерял сознание и ударился лбом о залитые кровью доски пола.

Двадцать пять минут после...

Что-то холодное присосалось к его шее, касалось щеки и виска.

Пахло смолой, дубовыми листьями, железной окалиной и кровью.

Олег застал и попробовал подняться. Это оказалось непросто. Повернувшись на бок, сумел немного приподнять голову, но никак не мог вспомнить, где находится. Он кое-как привалился к стене, нащупал то холодное, что привело его в чувство, поднял и поднёс к глазам.

Это была бутылка пива. И их было много.

Сразу чётко вспомнилось, как они с Таней готовились к бане, сидели на веранде. Полотенца и чистое бельё стопкой лежали на краю стола, два эмалированных таза стояли возле входа, два дубовых веника валялись под лавкой. И тревожно вещал пузатый телевизор...

Что-то случилось в бане! Что-то недоброе.

Преодолевая боль и слабость, Олег растёр опухшее лицо, смочил липкие волосы прохладной водой из стоящего рядом таза.

Да, это была баня. Но чужая. Словно перевернутая вверх дном.

— Таня! — захрипел Олег, неловко дёргая онемевшими ногами и расшвыривая пивные бутылки. — Таня! Таня!

Он пытался повернуться, ему нужно было убедиться, что она сейчас там — живая, невредимая, а значит всё сделано правильно, всё верно просчитано, продумано: и парилка, и замок на двери, и даже холодное пиво...

— Олег! — услышал он её испуганный голос и беззвучно заплакал. Собравшись с силами, дополз до двери и стукнулся в неё затылком.

— Таня!

— Олег!

Теперь они были вместе. Рядом.

Пятьдесят минут после...

Долго терпеть такой жар было непросто даже привычным людям. Но они пока держались. Олег сидел на нижней полке, аккуратно бинтовал пальцы, промывал раны и ссадины холодной водой. Татьяна тихо лежала наверху, слушала его негромкий и сбивчивый монолог. Старый замок, густо вымазанный солидолом, висел на крючке вместе с ненужными дубовыми вениками. В его личинке торчал кусок проволоки. На булыжниках одним концом калилась тяжёлая кочерга — Олег принёс её из раздевалки, чтобы иметь под рукой хоть какое-то оружие. Он планировал в скором времени выйти на улицу — секунд на сорок. Этого должно было хватить, чтобы снять оружие с ближайшего к бане трупа.

— Они перестреляли друг друга в первые минуты, когда безумие только начало ими овладевать, — спокойно рассказывал Олег. — А потом выжившие по-звериному рвали друг друга. Те, кто ещё не надыхался газа, спешили на шум и выстрелы и незаметно для себя тоже превращались в одержимых убийц, в психопатов...

Ничего такого он не видел, но чётко знал, что именно так всё и было.

— Если бы я была там...

— Да, — кивнул Олег. — Но тебя там не было...

Они уже несколько раз ненадолго выходили из парилки, чтобы перевести дух. Здесь было немного прохладнее.

— Две недели назад мои ребята писали программу, переводящую градусы Фаренгейта в градусы Цельсия, — забравшись в кадку с водой, говорил Олег. — И я, на счастье, не успел забыть ту формулу. 167 градусов по Фаренгейту — это всего-то 75 градусов по Цельсию. Стоило понять это, и остальное пришло само собой — я придумал, где и как тебя можно спасти...

Они снова вернулись в парилку и забрались на полку — уже без всякого удовольствия.

— Ещё немного, — хрипло засмеялся Олег, — и я возненавижу баню.

Тишина сгущалась, наливаясь осязаемой тяжестью, и всё ощутимей, всё сильнее давила на уши. Уже чудились живые поскрипывания на чердаке и царапанье за бревенчатыми стенами.

— Нам нужно уходить, — размышлял Олег. — У банды, скорей всего, есть сообщники. И они могут наведаться в лагерь. Мы вооружимся, когда выберемся отсюда, но мне не хотелось бы вступать в бой. Пойдём тихо, через лес. Но сначала надо связаться с Громовым или Зориным. Лучше с полковником, он всегда хорошо ко мне относился, даже когда я решил уходить... Да. Первым делом нужно найти телефон...

— Так сколько нам ждать, Олег? Как мы узнаем, что опасности больше нет? Как определим, что можно выходить?

— Слушай, Таня. Просто лежи, жди и слушай.

— Что слушать? Чего ждать?

— Жди, когда горы заснут. Мы должны услышать их вздох...

Они опять замолчали, не зная, что уже недолго оставалось до той минуты, когда недолгий шквал взметнёт пыль, взобьёт кроны деревьев, ударит в окна, сшибёт приподнявшихся птиц — и уляжется, успокоенный.

В это время года в этой местности каждый вечер заканчивался так — местные говорили, что это горы вздыхают, засыпая. ☾

Дотла

Сергей Чекмаев

*А ты был неправ — ты всё спалил
за час.
И через час большой огонь угас.
Но в этот час стало всем теплей!*

Машина времени, «Костёр»

*Я хотел помочь людям! Неужели вы
не понимаете?!*

Прометей

Девушка, ну сколько можно! — устало воскликнула пожилая дама с огромной туго набитой сумкой, стоящая передо мной.

Молоденькая медсестра, острой мордашкой чем-то неувовимо похожая на колли, не обращая на неё внимания, звонко процокала каблучками вдоль по коридору. Очередь проводила её осуждающим взглядом.

Был бы я нормальным больным, самое время начинать возмущаться: действительно, сколько можно! Получить медкарту в регистратуре — целый подвиг. Пока регистратор, неторопливая старушка божий одуванчик, отыщет хотя бы одну, уже полдня пройдёт. А приставленная к ней помощница то и дело бегаёт курить или крутить задом в рентгеновский кабинет. Очередь, конечно, знает всё. Удивительно, с какой скоростью распространяется бесполезная информация! Кто, когда и зачем сказал вот этой спортивного вида молодой мамаше с низким грудным голосом, что в рентгене устанавливают новый аппарат для флюорографии, что понаехало аж пятеро молодых мастеров-наладчиков, а коллектив в поликлинике сплошь женский, даже хирург и гинеколог, так что сами понимаете...

Только я не простой пациент.

Впрочем, пусть хоть весь персонал соберётся вокруг флюорографистов, пусть пьют там чай с тортом и домашней выпечкой — предметом негласного соревнования медичек, которые могут похвастать и чёрными чулочками, и высокими каблучками, и максимально короткими полами форменного белого халата, только не перед кем. А тут выпал шансик.

— Как, вы сказали, ваша фамилия?..
— дребезжит старческий голос из-за перегородки.

Солидный дядя с багровой шеей вымученно вытирает платком потные волосёнки (честнее сказать, лысину), и сипит:

— Короткопалов.

Старушка снова подслеповато щурится на монитор, неумело тыкает сухоньким пальчиком в клавиши.

Мне-то всё равно, даже, скорее, на руку, а людей жалко. Жара страшная, врагу не пожелаешь париться в очередях. Конечно, так проще работать, всего три-четыре ключевых объекта: окошечко регистратуры, набитые взвинченными от духоты и бесполезного ожидания людьми гулкие холлы перед кабинетами участковых врачей, ряды одинаковых стульев у кардиологии, заполненные такими же одинаковыми, похожими, как родные сёстры, старушками. И разговоры у них одинаковые:

— А я вот вчера проснулась, пошла в булочную, и на обратном пути у меня в поясницу ка-ак вступило-о...

— Что вы говорите!

— Да-а. Вот к Татьяне Аркадьевне за рецептом пришла. Но сосед мой всё новую какую-то мазь рекомендовал, говорит...

Просто сегодня моя смена. До семи. Потом проверюсь на резерв — и спать, провалиться в сон и ни о чём не думать. Ведь завтра мой выходной, а те же холлы, кабинеты и стулья будет обхаживать Рик. А послезавтра — снова я... Потом опять Рик... Я... Рик... Работа такая. И ни он, ни я не можем отказаться, плюнуть, разорвать контракт. И дело не в пресловутой совести. Любой из наших вам скажет: куда же я уйду? А люди? Нет, наше место здесь. Пока не иссякнет резерв и не снимут с Проекта. Тогда уж всё: солнце, море, тёплый прибрежный песок и пожизненная пенсия от государства. Санаторий, или, как его чаще называют у нас, отстойник для хилеров.

Странное слово — хилер, да? Когда-то в среде нашей вечно мятущейся интеллигенции модно было блеснуть эрудицией: есть, мол, такие филиппинские врачи, так они делают операции без скальпеля и разрезом, а аппендицит вообще мизинцем выковыривают. Сейчас смешно слушать, конечно, а тогда многие верили. Некоторые всерьёз, даже других пытались обратиться в свою веру с пеной у рта. Другие отвечали уклончиво: ну, да, да, слышали, конечно, филиппинские

хилеры то, филиппинские хилеры сё, а нам всё-таки кажется, что они шарлатаны.

Но в глубине души верили и они.

А слово запомнилось.

Поэтому, когда пустили Проект, название «хилеры» привязалось само. Как-то приросло. Поначалу было много вариантов, помню, знахарями называли, волхвами, лекарями и даже ведунами. Потом перестали.

Насчёт конкретной физиологии всего этого дела вы лучше с «научниками» переговорите. Они такими терминами завалят, что в глазах темно станет! Паранормальная гипербиозэнергетическая активность, сверхчувственное проецирование геной нормализации, замещение иммунологической составляющей реципиента...

Да суть-то, еси честно, не в названиях.

Факт остаётся: мы лечим. Ничего не делаем — не заряжаем воду, не водим руками, не вещаем угрожающим голосом с телеэкрана. Просто стоим рядом и лечим. Всех. Радиус действия разнится: у меня вот, например, семь метров, у Рика — пять. В Питере, говорят, есть девчонка из новеньких, так она вроде аж на пятнадцать работает.

— Девушка! — возмущённо пытается осадить возвращающуюся курильщицу кто-то из хвоста очереди. — Мы уже сорок минут здесь стоим!

Голос мужской, но бесцветный. Хлюпик. Наверное, какой-нибудь младший менеджер, да и дома точно сидит у своей половины под каблуком... Сейчас она его...

— Кто же виноват, что вам всем после пяти приспичило! Мы не можем разорваться, врачи тоже люди! Утром бы приходили — народу почти нет!

— Утром я на работе!

— Я тоже! И не мешайте мне её делать!

Протиснулась за перегородку, демонстративно клацнула задвижкой. Впрочем, чего я на неё взелся? Тоже, небось, жизнь не сахар. Переться после работы через всю Москву в душной подземке, полчаса ждать автобуса, а потом ещё час трястись в нём, полном полупьяных приставучих хамов. Зато дома она наверняка преображается. Любит какого-нибудь беспородного лопухого щенка, всегда помогает подругам, если что. Да ещё весь подъезд ходит к ней померить давление, укольчик сделать — что я, не знаю, как это бывает? И судачат старушки на скамеечке у подъезда:

— А наша-то Танечка — человек добрый, душевный... Вчера делала мне укол, так я даже и не почувствовала, не то что этот коновал из районной!

Интересно, что бы они про нас сказали?

Мы, конечно, не делаем из диабетиков и гипертоников тотальных здоровяков, больше всего похожих на космонавтов перед последним медосмотром. Не умеем потому что. Да и не надо это, а то обязательно нашёлся бы какой-нибудь умник, заглянул в статистику, сложил два и два, умножил на гонорар и... Не успеешь глазом моргнуть — разворот в «Мегаполис-Экспрессе», заголовков аршинными буквищами: «Эпидемия выздоровлений! Врачи не верят фактам», и снизу меленько: «Наш спецкор в зоне абсолютного здоровья».

Такая реклама нам не нужна. Проект ещё только-только вышел из пелёнок, пока всего 26 хилеров зарегистрировано, а семеро из них уже исчерпали резерв, так что... А если тайна вскроется? На всех нас просто не хватит. Мы не всеильные, не боги. А как людям объяснишь?

Вот и дежури́м по поликлиникам. Полегонечку подлечиваем кому сердце, кому почки, печень, ноги, спину... Сегодня в Братеево, завтра на Дмитровке, через неделю вообще где-нибудь в Капотне.

Почему в поликлинике, спросите? Так это легко. Более подходящее место для нашей работы даже и искать бесполезно! Всё так идеально складывается. Никаких тайн, никаких аномальных явлений. А если и случилось чудесное выздоровление, есть на что списать. Вот посмотрите. Походил пациент в поликлинику, поторчал в очередях, вырвал с боем карту, побился к врачу, выскреб зубами рецепт — и пожалуйста! Лучше чувствовать себя стал, боли прошли, не кашляет. За счёт чего, спрашивается? Правильно, помогло лечение, процедуры, хорошие лекарства, наконец, купленные за бешеные деньги.

— Какая разница, найду я вам карту или нет?! Без пяти семь уже! На часы посмотрите! Ни один врач вас не примет. Всё! Мы закрываемся.

Сухим щелчком хлопнули створки жалюзи на окошке регистратуры. Распалённая очередь ещё продолжала воевать, однако люди из хвоста уже обречённо потянулись к выходу.

Ну, вот и всё — можно домой. Только заскочу резерв проверить. Да и цветы Ирке надо купить — три года знакомства завтра, попышнее бы обставить, а то опять обидится.

Резерв — штука такая, с ней лучше не шутить, а то сам в одночасье ноги протянешь. За подробностями опять же — к «научникам», а я постараюсь по-простому объяснить. Возможности хилера не безграничны, совсем наоборот, очень даже и конечны, вон уже семеро наших в отстойнике навсегда замариновались. Хилер — как бы человек с очень большим запасом здоровья. Его почти невозможно убить — разве что расчленишь на куски и раскидать в разные стороны. Или взорвать, например. Одного нашего, говорят, у пожарных нашли, он весь медалями обвешан был — человек тридцать на пожаре спас. Все удивлялись: как это так, парень в огне минут по пять пропадает, а возвращается — и никаких следов, ни одного ожога?

Мы никогда не болеем, почти не устаём, в нашей крови дохнет вся болезнетворная пакость, любая рана заживает в секунды. Ирка, помнится, до смерти перепугалась, когда я руку на пикнике порезал. Собралась меня чуть ли не в реанимацию везти, еле отговорил. Зато, после того как на её глазах затянулась рана, многое объяснить пришлось. Главного только я ей не сказал. И правильно, думаю. Ну, были проблемы с печенью, ну, прошли сами собой — с кем не бывает! Молодой здоровый организм справился с болезнью. Пусть так и дальше думает...

Ведь хилер не просто сам здоров как бык. Он ещё всем этим и с другими поделиться может, если обучен, конечно. Главное тут не переборщить. Не отдать слишком много, а то и самому не останется, и, как спидозник, скопытишься в момент от первого же сквозняка или пореза. Телеграф слухов доносит, что были уже такие случаи, вроде как во Владике и ещё на севере где-то, в Мурманске, что ли... Там аппаратура похуже, чем в столице, вот и не уследили ребята — вокруг столько больных людей, они просто помочь хотели всем...

Так что за резервом следить надо, не ровён час, исчерпашь, тогда всё, прямая дорога на пенсию.

Стеклянная крестовина вынесла меня на улицу. Сразу навалилась безысходная жара, придавила к земле. Душный, наполненный

пылью воздух, казалось, стоял неподвижно, люди с безумными глазами рассекали его, будто осязаемую преграду. Ладно, метро здесь недалеко. Через площадь перейду — и в переход.

Внизу стоял гулкий неумолчный шум. Десяток весёлых студентов шумно покупали пиво. Продавец пиратских видеокассет, пряча глаза, втолковывал какому-то лоху, что «вот это самый последний хит». Стайка девчонок с роликами через плечо, над чем-то громко смеясь, не преминула смерить меня оценивающим взглядом. Крепкий парень в металлическом прикиде обиженно гудел в трубку: «Я тебя уже полчаса жду!». Рядом с ним лихо радочно рылся в потрёпанной записной книжке щупловатый подросток, пытаясь одновременно воткнуть в приёмное гнездо телефонную карточку. Получалось плохо. С другой стороны тянулся ряд аляповатых палаток. В них продавали всё, в основном плохое, дешёвое и китайское. Ага. Вот и цветочный...

Я начал проталкиваться к заставленному жестяными вазочками прилавку. Одуревшая от жары продавщица пшикала из пульверизатора на букеты и на себя.

— О-о! Пardon...

Неудачно получилось, на витрину отвлёкся — Ирка хризантемы любит, а их здесь я чего-то не вижу... Извини, парень.

Чернявый кавказский красавец сверкнул белоснежными зубами из курчавой бородищи:

— Ничего.

Забавный у парня пакет, огромный, весь белый, лишь в верхнем углу, почти у ручек, изображение двух скалящихся шахматных коней. Весёлые такие лошадки, чёрные, с огненно-красными глазами...

Когда из перехода гуськом потянулись вымазанные в сажу оранжевые робы спасателей с носилками, журналисты, растолкав немногочисленный омовский заслон, рванулись к ним с микрофонами.

— Сколько жертв?

— Убитые есть? Сколько раненых в критическом? Довезёте?

Спасатели хмуро и устало смотрели из-под потных чёлок и почерневших от копоти касок, молчали. Журналисты напирали, тыкали объективами камер прямо в носилки, крупным планом выдавая в эфир перепуганные лица жертв. Кто-то из известных

телекомментаторов уже нудно бубнил в микрофон о разгуле террора и призывал президента взять дело под личный контроль.

Вдруг журналистская братия хищно метнулась в сторону: появился пресс-секретарь мэрии. Этот уж молчать не будет. И точно, мягким баритоном зарокотал хорошо поставленный голос уверенного в себе и в озвучиваемых текстах человека:

— ...семнадцать легкораненых, трое от госпитализации отказались, двое с ожогами средней тяжести и один в тяжёлом, почти критическом состоянии. Жертв нет. Террористы рассчитывали запугать население нашего города...

Никто и не замечал, как с величайшими предосторожностями по залитым углекислотной пеной ступенькам осторожно передают с рук на руки страшный предмет. Спасателям пришлось взрезать оплывший восковыми каплями пластик прилавка. Бесформенный кусок когда-то красивой цветочной палатки, отдалённо напоминающий контуры человеческого тела, спешно грузили в реанимацию, когда кто-то из медиков расслышал сдавленный шёпот и крикнул:

— Тихо! Тихо! Он хочет что-то сказать.

Запёкшиеся, почерневшие губы бесильно кривились, но из горла наружу рвался всё тот же вопрос:

— Сколько погибших?

Пожилый медик потемнел лицом и едва не уронил носилки от неожиданности.

— Успокойтесь. Всё в порядке. Все живы. И вас сейчас в Ожоговый привезём. Там вас починят, не волнуйтесь...

— Хорошо, — неслышно прошептал раненый, — что... хватило... на всех... у меня... всего... семь метров... ▣

Два рассказа — Сергея Чекмаева и Михаила Кликина — войдут в сборник фантастики «Антитеррор-2020», выходящий весной этого года в издательстве «Эксмо» под эгидой фонда «Взаимодействие цивилизаций».

Т Е А Т Р

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Кабаре СНЫ на ПАТРИАРШИХ

ПРЕМЬЕРА

4, 5, 6, 7 и 27 марта

Также в марте:

10.03 - **Счастливый неудачник**, 11.03 и 12.03 - **Сирано**, 18.03 и 19.03 - **Дежавю**
25.03 и 26.03 - **Аттракцион**, 31.03 - **Кабаре 03**

**23
марта**

Легендарная
комедия
ОСКАРА УАЙЛЬДА

ПРЕМЬЕРА

**КАК
важно
быть
серьёзным**

м. «Маяковская», ул. Б.Садовая, д. 6. | **Начало в 20:00**

Заказ билетов: 699-81-37, 699-88-46 | www.sadovaya6.ru

Художественный руководитель театра - Заслуженный деятель искусств РФ Евгений Славутин

ПОМОГИ ПРИРОДЕ

стань сторонником Гринпис!

Если вы хотите узнать, как сохранить природу,
пришлите СМС* с текстом „Лес4“ на номер **8-903-746-76-46**
и мы расскажем, чем Вы можете помочь.

* стоимость отправки СМС - согласно тарифу вашего оператора связи.

www.**GREENPEACE**.ru